

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

ОБЪЕКТ ЭВРИДИКА 9

ДЕСЯТОЕ МЕСТО
ВСЕГДА ЖДЕТ

18+

Денис Пожидаев

Объект Эвридика 9

<https://litres.ru/73987506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество ушло к далёким звёздам. Станция «Эвридика-9» осталась позади — забытая, изношенная, обречённая. Её немногочисленный экипаж годами поддерживает жизнь среди ржавеющих отсеков и бесконечной тьмы космоса. Но однажды реальность начинает меняться. Коридоры ведут не туда, память подводит, а законы мира перестают работать. Чтобы понять природу происходящего, людям придётся ответить на главный вопрос: что делает человека человеком, когда исчезает сама реальность?

Содержание

Глава 1. Суп	5
Глава 2. Ночной чай	30
Глава 3. Коридор	56
Глава 4. Капсула и шахматы	84
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Денис Пожидаев

Объект Эвридика 9

Объект Эвридика-9

Денис Пожидаев

Оглавление

Глава 1. Суп

Глава 2. Ночной чай

Глава 3. Коридор

Глава 4. Капсула и шахматы

Глава 5. Чужая

Глава 6. Архив приговоров

Глава 7. Смех

Глава 8. Тонкие места

Глава 9. Бытовой апокалипсис

Глава 10. Сдвиг

Глава 11. Эхо

Глава 12. Ампутация памяти

Глава 13. Сигнал

Глава 14. Ужин

Глава 15. Диагноз

Глава 16. Эвридика

Глава 1. Суп

В пищеблоке пахло жареным луком.

Этот запах был густым, маслянистым, тяжёлым. Он оседал на металлических переборках, впитывался в серую ткань старых комбинезонов, пробирался в вентиляционные решётки и вёл там неравный бой с вечным, въевшимся в самую суть станции запахом озона, машинного масла и переработанного воздуха. Лук шипел на раскалённой сковороде, отдавая свои соки, темнея по краям, превращаясь из бледной гидропонной зелени во что-то, что имело вкус, цвет и текстуру.

За огромным панорамным иллюминатором пищеблока не пахло ничем.

Стекло — толстое, в мелких царапинах от микрометеоритов, накопившихся за десятилетия дрейфа — отделяло жаркую, потную кухню от абсолютной, давящей пустоты. Космос там не был усыпан блестящими искрами звёзд, как на рекламных плакатах эпохи Великого Исхода. Это была мёртвая, бездонная чернота цвета остывшего чугуна. Редкие холодные точки света находились так немыслимо далеко, что их присутствие не приносило утешения. Они лишь подчёркивали дистанцию. Космос просто смотрел внутрь, равнодушный и бесконечный, ожидая, когда эта маленькая ржавая капсула с тёплым воздухом наконец-то остынет.

Но Самуил не собирался остывать. Во всяком случае, не до ужина.

Он стоял у плиты — огромный, грузный мужчина с тяжёлыми руками кузнеца. На нём был замасленный технический комбинезон, поверх которого он принципиально повязал некое подобие фартука, сшитого из куска брезентовой термоизоляции. По его лицу катился пот. Самуил остервенело, с каким-то почти религиозным фанатизмом, мешал вариво в гигантской, помятой кастрюле с помощью длинной металлической лопатки.

Станция вокруг них издавала низкий, утробный гул. Это работал старый гравитационный реактор где-то в недрах осевого стержня. Звук был похож на дыхание огромного, большого, но невероятно упрямого кита. Пол чуть заметно вибрировал под ногами.

— Уровень термической диссипации превышает установленные нормы на двадцать два процента, — раздался сверху голос.

Голос лился из старого динамика, скрытого за антивандальной решёткой под потолком. Он был монотонным, слегка трещащим на низких частотах, словно динамик забился пылью ещё в прошлом веке. Архонт не умел выражать эмоции. За века одиночества его модули эмпатии стёрлись, оставив лишь голую, высушенную логику.

Самуил даже не поднял головы. Он продолжал мешать, скребя лопаткой по дну кастрюли. Звук металла о металл ре-

зонирует в тишине пищеблока.

— Я сказал, отстань, Старик, — прохрипел Самуил. — У меня реакция Майяра идёт. Если я сейчас убавлю температуру, белок просто сварится в серой жиже. Я не буду кормить людей серой жижей.

— Напоминаю, сотрудник Самуил, — бесстрастно отозвался потолок. — Питательная ценность экстрадированного белкового концентрата не зависит от степени его обжарки. Дополнительная термическая обработка ведёт к нерациональному расходу энергии класса «Б» и потере четырёх процентов микроэлементов. Это противоречит протоколу выживания.

Самуил с грохотом бросил лопатку на металлический стол. Он выпрямился, упёр большие руки в бока и уставился в вентиляционную решётку, из которой вещал ИИ.

— Протокол выживания, Арчи, писали люди, которые думали, что мы будем лететь к звёздам в чистеньких белых скафандрах, питаясь радостью от прогресса! — Самуил повысил голос, хотя знал, что Архонту не нужно кричать, его микрофоны улавливали даже шёпот. — А мы не летим! Мы тут висим! И если я просто кину этот куб концентрата в кипяток, он на вкус будет как влажный картон!

— Вкусовые рецепторы являются лишь механизмом эволюционного поощрения для поиска питательных веществ, — ровно парировал Архонт. Свет тусклой жёлтой лампы над плитой мигнул, словно ИИ пытался подчеркнуть свою мысль

снижением энергопотребления. — Мои алгоритмы не фиксируют корреляции между тоской и текстурой пищи.

Самуил скрипнул зубами. Он потянулся к маленькой, драгоценной стеклянной баночке, стоящей на полке, вдали от края стола. Осторожно двумя толстыми пальцами достал щепотку чего-то сухого, бурого.

— Ты не фиксируешь, потому что у тебя нет желудка, железная ты башка, — пробормотал Самуил.

Он театрально, с вызовом бросил щепотку сушёного гидроронного чеснока прямо в бурлящий котёл. Вверх тут же взметнулось облако пара. Запах стал гуще, острее. Это был запах дома. Запах земли, которой они не видели десятилетиями.

Динамик над головой тихо щёлкнул.

— Но я зарегистрировал ваш акт кулинарного оптимизма, — добавил Архонт и отключился, оставив после себя лишь слабое шипение статического электричества.

Самуил шумно выдохнул, утёр лоб тыльной стороной грязного рукава и снова взялся за лопатку.

Лев Терн сидел в дальнем углу пищеблока, наполовину скрытый в тени от мерцающей лампы.

Он сидел странно — забравшись с ногами на старый металлический стул, обхватив острые колени длинными тонкими руками. На нём была мешковатая одежда, давно потерявшая первоначальный цвет, и старые очки в массивной оправе. Лев не смотрел ни на панорамное стекло, за которым раз-

ворачивалась ледяная вечность, ни на кипящий котёл Самуила.

Он гипнотизировал взглядом свою пустую кружку.

Кружка была старой, с отколотым краем. Лев медленно, методично водил указательным пальцем по этому сколу. Круг за кругом. Подушечка пальца цеплялась за неровность керамики. Это было физическое, осязаемое доказательство того, что предмет имеет границу. Что форма существует. Что не всё в этом мире растворяется в пустоте.

Он слушал перепалку повара и машины с лёгкой, почти незаметной полуулыбкой. Для него это была музыка. Симфония абсурда.

— Не спорь с ним, Сэм, — голос Льва прозвучал тихо, но удивительно чётко. Он даже не поднял глаз от кружки. — Рациональность требует, чтобы мы просто потребляли калории. В идеале — лёжа в анабиозе. Желательно, с отключёнными центрами страха и радости. Чтобы пульс был ровным, как график энергопотребления Архонта.

Самуил остановил лопатку. Пар обтекал его широкое лицо.

— Жизнь — это суп, Лев, — Самуил тяжело вздохнул, и в этом вздохе была усталость человека, который каждый день держит оборону против распада. — Если в нём нет специй, если в нём нечего жевать, зачем его вообще хлебать? Можно просто подключить трубку к вене. Но тогда мы перестанем быть людьми. Мы станем частью трубопровода станции.

Он с силой стукнул лопаткой по краю кастрюли, сбивая налипший соус. Удар разнёсся по пищеблоку, на мгновение заглушив гул реактора.

Лев перестал водить пальцем по краю кружки. Он медленно опустил ногу со стула, коснувшись босой ступнёй холодного ребристого металла пола. Только теперь он поднял глаза на Самуила. Взгляд у Льва был таким, словно он смотрел насквозь — сквозь повара, сквозь переборки, прямо в тот самый остывший чугун за окном.

— Абсолютно разумный мир всегда заканчивается кладбищем, Сэм, — сказал Лев шёпотом, от которого по спине пробежал холодок. — Там идеальный порядок. Стопроцентная оптимизация пространства. Никаких лишних эмоций. И никто... — Лев сделал паузу, его губы снова тронула бледная улыбка, — никогда не просит добавки.

Самуил замер. Слова Льва повисли в душном, пахнущем чесноком и озоном воздухе. Повар открыл было рот, чтобы что-то ответить, чтобы бросить свою привычную шутку и перевести разговор в безопасное, бытовое русло. На станции не любили тишину после таких фраз. Тишину нужно было сразу заделывать словами, как пробоину в корпусе — герметиком.

Но он не успел.

Резкий, зубодробительный скрежет металла раздался прямо над их головами. Звук был настолько внезапным и жестоким, что Лев дёрнулся, а Самуил инстинктивно схватился за

ручку огромного ножа, лежавшего на столе.

Скрежет повторился. С потолка, из-за широкой вентиляционной решётки, посыпалась мелкая серая пыль и чешуйки старой краски, падая прямо в миллиметре от закипающего котла. Кто-то тяжёлый, лязгающий суставами, копошился там, внутри вентиляционной шахты, словно огромный металлический жук пытался прогрызть себе путь наружу.

Самуил поднял голову, стряхивая пыль с брезентового фартука.

— Только попробуй уронить мне фильтр в бульон! — крикнул он в решётку. — Я тебя самого сварю, клянусь историей Земли!

В ответ из-под потолка донёсся лишь глухой, тяжёлый металлический удар.

* * *

Металлическая решётка вентиляционной шахты с протяжным, мучительным скрипом откинулась вниз. Из тёмного зева прямоугольного отверстия под самым потолком сначала показались тяжёлые, обитые композитным пластиком армейские ботинки. Затем — массивные ноги, закованные в серый, местами потертый до голого металла экзоскелет.

Сервоприводы старой машины тихо, натужно взвизгнули, когда человек перенёс на них свой немалый вес.

Григорий спустился на палубу пищеблока плавно, несмот-

ря на свои габариты. С тихим лязгом подошвы его ботинок встретились с ребристым полом. Он выпрямился.

Гриффу было за шестьдесят. Огромный, седой, с тяжёлым, вырубленным из камня лицом и взглядом человека, который привык замечать поломки до того, как они унесут чью-то жизнь. Его военный экзоскелет, переживший, вероятно, ещё ранние этапы Исхода, давно потерял половину оригинальных деталей. Левый коленный шарнир был стянут промышленным хомутом, несколько кабелей на бедре были заботливо обмотаны синей изоляцией, а гидравлика правого плеча иногда издавала звук, похожий на сухой кашель.

Но при всей этой чудовищной изношенности амуниции, сам Грифф выглядел безупречно. Его лицо было идеально, до синевы выбрито. Даже здесь, в забытой всеми космической заброшке, в миллионах километров от любой известной цивилизации, где из зрителей оставались лишь восемь сумасшедших и один деградирующий ИИ, Грифф брился каждое утро. Потому что дисциплина — это не то, что ты делаешь напоказ. Дисциплина — это когда ты продолжаешь скоблить щёки бритвой, даже если человечество закончилось.

Грифф отстегнул от пояса небольшой металлический щуп, убрал его в подсумок, а затем достал кусок чистой серой ткани.

Медленно, с пугающей методичностью он начал вытирать руки. Он протирал каждый палец, каждый сустав, снимая несуществующую машинную смазку и пыль вентиляцион-

ных коробов. Ткань тёрлась о кожу с тихим, сухим скрипом. Закончив, Гриф сложил тряпку. Сначала вдвое. Потом вчетверо. Проверил совпадение углов. И только после этого аккуратно убрал её обратно в карман разгрузочного жилета.

— Ты мне всю пыль в бульон стряхнёшь! — не выдержал Самуил, отгоняя пар от лица широкой ладонью. — Чего ты туда полез? Архонт вчера делал диагностику циркуляции. Всё там нормально. Мы же не задыхаемся!

Гриф медленно повернул голову. Его взгляд остановился на Самуиле, но казалось, что он смотрит сквозь повара, оценивая структурную целостность котла и плотность пара в помещении.

— Микровибрация защитной решётки ведёт к ускоренному износу крепёжных болтов, — произнёс Гриф рублеными, короткими фразами. Его голос был глубоким, почти лишённым интонаций, как зачитываемый рапорт. — Износ болтов ведёт к падению решётки. Нарушение целостности контура ведёт к изменению аэродинамики отсека. Изменение аэродинамики создаёт нагрузку на главный клапан. Это ведёт к разгерметизации. Разгерметизация ведёт к смерти.

Он замолчал, глядя на Самуила так, словно только что объяснил теорему, понятную даже ребёнку.

Стул в углу тихо скрипнул. Лев Терн, всё так же не выпуская из рук свою пустую кружку, с тихим удовольствием хмыкнул.

— Прямо древнегреческая трагедия, только про венти-

лятор, — философски заметил Лев. — Неотвратимый рок, скрытый в резьбе на три четверти дюйма. Вы потрясающий фаталист, Григорий.

Гриф проигнорировал реплику философа. Он никогда не спорил с абстракциями. Для Грифа мир делился на две категории: то, что можно закрутить, и то, что уже отвалилось.

Тяжёлым, размеренным шагом он двинулся в дальний конец пищеблока, туда, где тепло от плит Самуила почти не ощущалось.

Там, у огромного панорамного иллюминатора, царил холод. Температура здесь всегда была на несколько градусов ниже. От толстого, исцарапанного стекла веяло космической стужей, которая пробивалась даже сквозь термоизоляцию. Если прижаться к стеклу лбом, можно было почувствовать, как вакуум снаружи пытается вытянуть из тебя остатки тепла.

У самого стекла стоял Илья Вектор.

Высокий, крайне худой, он постоянно сутулился, словно его позвоночник не выдерживал тяжести собственной головы. На нём был мешковатый свитер, рукава которого он натянул на ладони, оставив снаружи только длинные, бледные пальцы.

Илья стоял вплотную к иллюминатору. Он дышал на холодное стекло.

Из его приоткрытого рта вырывалось облачко тёплого пара, мгновенно оседая на бронированном прозрачном пласти-

ке влажным, матовым пятном конденсата. Как только пятно появлялось, Илья тут же скидывал правую руку и начинал лихорадочно, с пугающей скоростью писать по нему указательным пальцем.

Его палец выписывал сложнейшие тензорные уравнения, многомерные матрицы, символы, значение которых понимал только он один. Он писал их прямо поверх абсолютной темноты космоса.

В тишине пищеблока этот звук казался громче гула реактора: влажный, резкий скрип кожи по замерзающему стеклу.

Шшшш-скрип. Шшшш-скрип.

Конденсат держался всего несколько секунд. Тепло быстро уходило в стекло, капли остывали, сливались, и сложные многомерные модели растекались тонкими ручейками воды, навсегда исчезая.

Илья даже не моргал. Как только формула исчезала, он снова приближался к стеклу, снова делал глубокий, долгий выдох, и снова начинал писать. Ему не нужно было сохранять эти расчёты на бумаге или в датападе. Он не решал задачу ради ответа. Он просто физически пропускал через себя математику этого пространства. Для него орбиты имели вкус, гравитация обладала ритмом, а уравнения были способом дышать.

Гриф подошёл к нему и остановился в двух шагах. Он стоял, заложив руки за спину, и молча наблюдал за тем, как Илья в очередной раз выдыхает на стекло.

— Топливные циклы? — коротко спросил Гриф. В его мире математика существовала только для инвентаризации и навигации. — Считаешь деградацию магнитных ловушек реактора?

Илья не ответил. Он даже не дёрнулся. Его глаза, бледные, почти бесцветные, продолжали лихорадочно бегать за собственным пальцем. Палец вывел символ интеграла, затем сложную дробь, которая тут же потекла вниз, превратившись в грязную слезу на фоне далёкой, равнодушной звезды.

— Эй, математик, — Самуил тоже перестал мешать суп и уставился в спину Илье. — Гриф дело говорит. Чего ты там царапаешь? Я вчера видел, как ты исписал весь пол в душевой седьмого блока обломком мела. Ты хоть спишь?

Илья замер.

Его палец остановился на половине недописанной переменной. Капля конденсата, собравшаяся на кончике его пальца, сорвалась и медленно покатила вниз по стеклу, оставляя за собой чистую, прозрачную дорожку, сквозь которую на них смотрел чёрный космос.

Илья опустил руку. Его сутулые плечи опустились ещё ниже. Он медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление воды, повернул голову к Грифу. Глаза математика всё ещё были там, в мире многомерной геометрии, они смотрели сквозь старого охранника, сквозь пищеблок, сквозь всю эту маленькую, ржавую станцию.

— Нет, — произнёс Илья. Его голос был тихим, ровным,

с неестественно длинными паузами между словами. — Я не считаю... топливо.

Он снова посмотрел на стекло. Конденсат полностью испарился, оставив лишь лёгкий мутный налёт.

— Пространство... стало тяжёлым, — Илья произнёс это не как метафору. Он сказал это с интонацией человека, который сообщает о температуре на улице. Просто констатируя непреложный, физический факт.

Гриф слегка нахмурился. Скрипнула гидравлика его правого плеча, когда он чуть перенёс вес на другую ногу.

— Поясни. Давление в контуре норме. Гравитационные генераторы выдают стабильные девять и восемь десятых. Что значит "тяжёлым"?

Илья медленно поднял правую руку и пошевелил длинными пальцами в воздухе, словно ощупывая невидимые нити, натянутые между ними и звёздами.

— Вы... не слышите? — Илья перевёл взгляд на Самуила, затем на Льва. — Орбита... она звучит неправильно. Она звучит... на полтона ниже. Симметрия нарушена. Мы больше не скользим. Мы... вязнем.

В пищеблоке повисла тяжелая, густая тишина.

Она обрушилась на них мгновенно, заглушив даже вечный, привычный гул реактора и шипение жарящегося лука. В этой тишине слова Ильи прозвучали не как бред пациента с когнитивным расстройством, а как жуткий, неотвратимый метеорологический прогноз. Ветер переменился. Толь-

ко вместо ветра был вакуум, а вместо неба — бесконечная пропасть, которой было абсолютно плевать на их жизни.

Самуил смотрел на Илью, и по его спине, несмотря на жару возле плиты, пробежал холодный пот. Гриф молчал, его челюсти крепко сжались, под кожей на скулах заиграли желваки. Гриф не умел стрелять в геометрию пространства, не мог починить орбиту разводным ключом, и именно это пугало его до одури.

Лев Терн осторожно поставил свою кружку на металлический стол. Звон керамики о сталь показался оглушительным.

— Если орбита звучит ниже, — мягко произнёс Лев, нарушая тишину, — значит, струна, на которой мы висим, ослабла. Интересно. Кто-то наверху перестал её натягивать. Или мы просто стали слишком тяжёлыми от собственных воспоминаний.

Илья не ответил. Он снова повернулся к окну, снова прижался лицом почти вплотную к стеклу и сделал долгий, влажный выдох. Конденсат снова скрыл космос. Скрип пальца по стеклу возобновился.

Самуил резко отвернулся от окна. Ему показалось, что если он посмотрит туда ещё секунду, то сам услышит этот скрежещущий, неправильный звук больного пространства.

Он схватил огромный стальной половник и с размаху, со всей силы, на которую был способен, ударил им по краю кипящей кастрюли.

БДАММ!

Резкий, живой, бытовой звон разорвал космическую тишину в клочья, разогнав холодный морок.

— Значит, пространству придётся подождать! — рывкнул Самуил так громко, что его голос эхом отразился от низкого потолка пищеблока. — У меня суп готов. И если кто-то из вас, философов, математиков или охранников, откажется его есть, потому что гравитация как-то не так звучит... я лично выкину вас в шлюз! Мы садимся есть. Сейчас же.

Самуил потянулся к полке за тяжёлыми металлическими мисками. Его руки слегка дрожали, но он делал вид, что это от усталости.

Он защищал свою цивилизацию. Как мог. Одной поварской ложкой против бесконечности.

* * *

Свет в пищеблоке неуловимо изменился.

Это не было плавным, элегантным затемнением смарт-систем эпохи расцвета цивилизации. Старые люминесцентные панели под потолком просто дважды мигнули с сухим электрическим треском, а затем их спектр сдвинулся из стерильно-белого в густой, уставший янтарь. Архонт, согласно древним, наполовину повреждённым протоколам, переводил освещение жилого кольца в «режим ужина». Напряжение в сети падало, имитируя вечер, которого в глубоком космосе никогда не существовало.

Вместе со светом изменился и звук. Гул вентиляционных шахт стал на октаву ниже, словно станция тоже сделала долгий, тяжёлый выдох после напряжённого дня.

Дверной шлюз пищеблока тихо зашипел, стравливая давление, и тяжёлая металлическая створка ушла в стену.

На пороге стояла Аделина Мор.

В её облике была та особая, мягкая усталость, которая приходит к людям, слишком долго несущим чужую боль. На ней был старый медицинский комбинезон, давно потерявший свой первоначальный строгий цвет и ставший почти домашним от бесчисленных стирок в технических фильтрах станции. Но главное, что принесла с собой Аделина, был запах.

Как только она перешагнула порог, вечный станционный дух озона, перекалённого металла и горелой изоляции дрогнул и отступил. От Аделины пахло живой землёй. Влажным торфом. Растёртыми в пальцах листьями перечной мяты и едва уловимой горечью сухой ромашки из гидропонного сада. Этот запах был настолько инородным, настолько невозможным посреди бескрайнего космического вакуума, что казался почти магическим заклинанием.

Аделина не сказала ни слова. Она бесшумно пересекла палубу, обойдя длинный, исцарапанный металлический стол, за которым уже начали собираться остальные. Её мягкие шаги в тканевых тапочках терялись на фоне скрежета стульев и гула реактора.

Она подошла к панорамному иллюминатору.

Илья Вектор всё так же стоял там, вжавшись худыми плечами в стену, и отрешённо смотрел на бледные, исчезающие следы своих расчётов на бронированном стекле. Его разум всё ещё блуждал где-то в невысказанных многомерных лабиринтах деформирующегося пространства. Он был так далеко от этого пищеблока, что казалось, его тело — лишь пустая оболочка, забытая хозяином.

Аделина встала рядом. Она не окликнула его по имени. Громкие звуки могли разрушить те хрупкие конструкции, которые Илья строил в своей голове.

Вместо этого она просто протянула свои тёплые, пахнущие травами руки и мягко легла ладонями ему на плечи. Илья вздрогнул. Резко, как от удара током, его спина напряглась. Но Аделина не убрала рук. Она чуть погладила его через грубую ткань растянутого свитера, возвращая его осязание обратно, в трёхмерный мир, в эту комнату, к этим людям.

Она аккуратно, материнским жестом поправила воротник его свитера, загнувшийся внутрь. Илья медленно моргнул. Фокус его бесцветных глаз вернулся из бесконечности. Он посмотрел на Аделину, и в его взгляде на секунду промелькнуло что-то похожее на детскую растерянность.

Аделина чуть заметно кивнула в сторону стола и едва ощутимо потянула его за собой. Илья не сопротивлялся. Послушный, как механизм, лишённый собственной воли, он

позволил увести себя от ледяного стекла.

Они подошли к длинному столу, вырубленному из цельного куска промышленной стали. Когда-то, в прошлой жизни станции, это была операционная или секционная панель, но теперь её поверхность была испещрена сотнями шрамов: следами от горячих кастрюль, царапинами от ножей, выцветшими пятнами.

Люди рассаживались. Без суеты, без разговоров. Это было похоже на сложный, давно заученный танец, где каждый знал своё место до миллиметра.

Гриф опустил на свой металлический табурет с тяжелым гидравлическим выдохом экзоскелета. Он сел идеально прямо, словно аршин проглотил. Его большие, огрубевшие руки легли на стол. Гриф посмотрел на свою глубокую миску. Она стояла чуть криво. Он аккуратно, двумя пальцами, сдвинул её на полсантиметра влево, выравнивая строго параллельно краю стола. Затем точно так же выровнял ложку. Хаос Вселенной заканчивался там, где начиналась зона ответственности Григория Терна.

Лев опустил на стул напротив Грифа, подтянув одну ногу к груди. Он больше не крутил свою пустую кружку, а просто наблюдал за происходящим с мягкой, отстранённой снисходительностью, словно смотрел старый, любимый, но немного наивный спектакль.

Остальные жители станции — тихие, сломанные, изношенные десятилетиями изоляции люди — занимали свои

места, шаркая подошвами, покашливая, скрипя стульями. Они были здесь, они дышали, они заполняли пространство вокруг стола теплом своих тел. Девять человек. Девять выживших на забытом острове из ржавчины и титана.

Самуил стоял во главе стола.

Перед ним возвышалась огромная, покрытая чёрной копотью кастрюля, от которой поднимался густой, непроницаемый столб пара. Пар стлался над поверхностью металлического стола, смягчая резкие тени, скрывая царапины, превращая ужин во что-то почти мистическое. Запах лука, бульона и сушёного гидропонного чеснока теперь безраздельно властвовал в помещении, окончательно изгнав космический холод.

В правой руке Самуил сжимал половник — тяжёлый, из гнутой нержавеющей стали, ручка которого была для удобства обмотана изоляцией.

Он начал разливать.

Это был не просто процесс раздачи пищи. Это был ежедневный метроном их существования.

Лязг половника о край кастрюли. Глухой всплеск густой, дымящейся жидкости. Звук дна половника, скребущего по керамике миски.

— Раз, — беззвучно шевельнули губы Самуила, когда он подвинул первую миску Грифу. Охранник коротко, по-военному кивнул.

Снова лязг. Снова всплеск.

— Два.

Порция для Аделины. Она коснулась пальцами края горячей миски, впитывая её тепло, и прикрыла глаза в знак благодарности.

Всплеск. Скрежет.

— Три.

Порция для Льва. Философ наклонился над супом, втягивая носом аромат, и на его лице отразилось странное умиротворение.

Самуил двигался с ритмичной, механической точностью. Тяжёлый половник опускался в котёл, поднимал густое, наваристое варево с кусочками гидратированного белка и зеленью, и переносил его в миски. Пар окутывал лицо повара, заставляя его щуриться, капли пота стекали по его щекам и терялись в густой бороде.

Четыре. Пять. Стук мисок о металл. Шарканье. Тихое дыхание людей.

Шесть. Семь.

Восемь. Порция для Ильи. Математик смотрел на геометрически идеальные круги жира, плавающие на поверхности его супа, словно пытаясь найти в них скрытую формулу стабильности.

Девять. Самуил налил свою собственную порцию и поставил её на край стола, рядом с собой.

Он остановился.

Рука повара, держащая половник, замерла в воздухе над

наполовину опустевшим котлом. Самуил тяжело, с каким-то глухим хрипом в груди, выдохнул.

В этот самый момент в пищеблоке исчезли все человеческие звуки.

Никто не стучал ложкой. Никто не кашлял. Никто не отодвигал стул. Звенела только абсолютная, тяжёлая, литературная тишина, сквозь которую, как сквозь толщу океанской воды, пробивался лишь монотонный пульс далёкого гравитационного реактора.

Это была тишина не пустоты, а предельного, сжатого до предела напряжения. Тишина соглашения.

Никто из девяти человек за столом не посмотрел вправо от Самуила. Ни один взгляд не скользнул к тому месту, где на столе не было ни миски, ни ложки, где стоял лишь пустой металлический табурет. Но каждый из них, каждый, от повернутого на контроле Грифа до оторванного от реальности Ильи, физически чувствовал гравитацию этого пустого места.

Самуил медленно повернулся. Он потянулся к самой верхней полке над плитой. Его огромные пальцы осторожно, почти с нежностью, обхватили керамику.

Он достал десятую миску.

Она отличалась от остальных. С левой стороны её край был глубоко отколот, обнажая пористую белую структуру под тёмной эмалью. Внутри дно было исчерчено сотнями мелких, старых царапин от ножа. Это была не просто посу-

да. Это был артефакт. Вещь, которая принадлежала человеку, чьё имя они давно перестали произносить вслух, чтобы не стереть его от слишком частого использования.

Самуил вернулся к столу.

Лязг. Миска с отколотым краем опустилась на голый металл напротив пустого стула. Звук удара показался пугающе громким, он разлетелся по отсеку, ударившись о панорамное стекло и отскочив обратно.

Самуил опустил половник в котёл. Зачерпнул со дна самое густое, самое сытное, что там оставалось.

И вылил это в десятую миску.

Полная, щедрая порция. Никакого символизма. Никакой «капли для духов». Самуил налил ровно столько, сколько наливал живому, работающему в три смены технику. Густой пар мгновенно поднялся над пустой половиной стола, закручиваясь в янтарном свете старых ламп.

Суп для человека, которого больше не было. Суп для пустоты.

Они не верили в призраков. Здесь, в холодной радиационной бездне космоса, мистике не было места. Гриф знал, что человек мёртв. Лев знал, что человек мёртв. Илья мог математически доказать отсутствие биологической массы на этом стуле.

Но они делали это не для мертвеца. Они делали это для себя.

Этот негласный, пугающий, шизофренический ритуал

был их главным пактом о ненападении с вечностью. Это была физическая гарантия того, что если завтра реактор сожжёт кого-то из них, если аномалия в коридоре С-12 проглотит кого-то без остатка, если вакуум высосет из чьих-то лёгких последний воздух — на следующий день на столе всё равно появится горячая миска с супом. Их не вычеркнут. Их не оптимизируют. Память о них будет иметь вес, вкус и температуру.

Самуил положил половник обратно в кастрюлю. Он медленно вытер большие влажные руки о засаленный брезентовый фартук, оставляя на нём тёмные следы.

Он сел на своё место, скрипнув металлом. Стол был накрыт. Десять порций. Девять живых сердец и одна память.

Самуил посмотрел на свои руки, покрытые шрамами от ожогов и старой въевшейся гарью. Затем перевёл взгляд на лица людей, сидящих вокруг. На Грифа, напряжённого, как сжатая пружина. На Аделину, глаза которой блестели в неровном свете. На Илью, который всё ещё смотрел в свою тарелку, словно в бездну. На Льва, который смотрел прямо на Самуила.

Самуил взял ложку.

— Цивилизация, — произнёс повар. Голос его звучал глухо, устало, без всякого пафоса. Он говорил это не как философскую речь, а как молитву, которую повторял так часто, что она потеряла изначальный смысл и обрела новый, абсолютный. — Цивилизация держится не на реакторах. И не на

эффективных алгоритмах.

Он крепко сжал металлическую ручку ложки, так, что побелели костяшки.

— Она держится на людях, которые помнят, сколько соли нужно в суп.

Никто не ответил.

Гриф первым опустил ложку в миску. За ним — Аделина. Затем Лев. Металлический скрежет начал разрастаться, заполняя пищеблок. Стук металла о керамику, шёпот дыхания, глотки. Жизнь заявляла свои права. Звук людей, которые едят вместе, отгонял темноту лучше, чем любые системы освещения Архонта.

Они ели. А над десятой миской продолжал подниматься густой, горячий пар.

Камера повествования, повинувась невидимому режиссёру, начала медленно отдаляться.

Она скользнула назад, прочь от исцарапанного стола. Оставила позади тяжело дышащего Самуила. Пролетела над огромным кипящим котлом. Миновала желтоватую, мерцающую лампу под потолком и упёрлась в панорамное стекло иллюминатора, на котором ещё оставались едва заметные, стёртые линии формул Ильи.

Камера прошла сквозь трёхметровый слой бронированного прозрачного пластика, покрытого микротрещинами и пылью столетий. Вышла наружу.

Звук исчез мгновенно.

Абсолютный, оглушительный вакуум сомкнулся вокруг. Больше не было ни лязга ложек, ни гула реактора, ни голоса Архонта.

Камера продолжала медленно отступать назад.

Огромный, уродливый пищеблок превратился лишь в квадратное тускло-янтарное пятно на гигантском ржавом корпусе. Вокруг пятна громоздились уродливые наросты антенн, радиаторов охлаждения и сплетения коммуникационных труб, покрытых ледяной коркой. Медленно, тяжело, словно преодолевая невидимую вязкость, вращалось жилое кольцо.

Станция «Эвридика-9» была старой, израненной, брошенной машиной. Она была крошечной песчинкой, микроскопической раной на теле Вселенной.

Вокруг неё не было ничего. Только бесконечная, чёрная, ледяная пустота. Космос был слишком велик, чтобы ненавидеть эту станцию. Он её просто не замечал. Он молчал, ожидая, когда маленький янтарный огонёк внутри её корпуса, наконец, погаснет навсегда.

Но внутри этого огонька, окружённые миллиардами километров абсолютной смерти, девять человек и один призрак упрямо продолжали есть горячий суп.

Глава 2. Ночной чай

Три часа ночи.

Время, которого в глубоком космосе не существовало. Здесь не было ни вращения планеты, ни восходов, ни изменения температуры за окном. Но человеческая биология, упрямая и слепая, продолжала требовать темноты и покоя, даже когда до ближайшего солнца было несколько световых лет.

Поэтому станция имитировала ночь.

Основное освещение в жилом кольце было давно отключено ради экономии энергии. Главные люминесцентные лампы остыли. Пищеблок погрузился в густой, тёплый полумрак, который разбивался лишь тусклым свечением дежурных светодиодов. Они тянулись вдоль плинтусов непрерывной янтарной линией, бросая на металлический пол длинные, искажённые тени от ножек стола и стульев.

Звук станции тоже изменился. Дневной, агрессивный шум нагнетателей воздуха стих, перейдя в режим пассивной циркуляции. Теперь здесь царил только один звук — пульс. Очень низкий, едва уловимый ухом, но физически ощущаемый грудной клеткой гул гравитационного реактора из осевого стержня. Иногда к нему добавлялись редкие, сухие щелчки теплового сжатия: это старый металл переборок остывал в режиме пониженного энергопотребления.

В пищеблоке больше не пахло жареным луком и синтетическим белком. Ночь принадлежала другим запахам: здесь тонко веяло сушёной перечной мятой, старой заваркой и едва заметной сыростью земли, которую Аделина приносила на своих руках из гидропонного сада.

Аделина Мор сидела за длинным металлическим столом под единственной работающей маломощной лампой, накрытой самодельным абажуром из пожелтевшего пластика. Свет падал узким конусом прямо на её руки.

Перед ней лежала чистая белая салфетка — чудовищная роскошь по меркам станции, которую Самуил выдавал ей из своих тайных неприкосновенных запасов только для этого ритуала. На салфетке была рассыпана горстка семян. Мелких, чёрных, похожих на крупинки угля.

В правой руке Аделина держала тонкий медицинский пинцет.

С бесконечным терпением, методично, она отделяла целые, здоровые семена от тех, что высохли или покрылись микроскопическим налётом плесени. Здоровые она сдвигала вправо. Мёртвые — влево. Пинцет тихонько, ритмично пощёлкивал. В мире, где цивилизация официально вычеркнула их из списков живых, Аделина Мор продолжала сортировать семена карликовых томатов для следующего посадочного цикла.

Двери шлюза бесшумно разъехались.

В пищеблок вошёл Лев Терн. На нём не было обуви. Бо-

ые ноги ступали по ледяному металлическому полу без единого звука. Поверх его неизменной мешковатой одежды был накинут старый, выцветший до серого состояния клетчатый плед, края которого волочились по палубе. Лев выглядел как древний призрак, решивший заглянуть на кухню.

Он не сказал «доброй ночи». Аделина не подняла головы и не спросила, почему он не спит.

Это было негласным правилом «ночного чая». Бессонница здесь не считалась болезнью, слабостью или поводом для расспросов. Лежать в крошечной, тёмной каюте, закрыв глаза, и физически осознавать, что в трёх сантиметрах от твоей спины, за слоем металла и изоляции, начинается бесконечный, абсолютно мёртвый вакуум — это было невыносимо. Они все знали этот ужас. Ужас, когда тишина каюты начинает давить на барабанные перепонки, а стены пульсируют.

И поэтому они приходили сюда. Не за разговорами. За иллюзией присутствия. За тем, чтобы услышать, как кто-то другой дышит.

Лев подошёл к длинной стойке, где Самуил всегда оставлял термос с кипятком. Движения Льва были медленными, почти лунатическими. Он взял со своей полки кружку — ту самую, с отколотым краем. Плеснул на дно немного воды. Достал из жестяной банки щепотку измельчённой сухой травы, которую Аделина называла «успокаивающим сбором», хотя все знали, что это просто пересушенный мох и листья гидропонной клубники. Бросил траву в кружку и залил до-

верху.

Слабый аромат сена и горячей воды поднялся в прохладный воздух.

Лев обхватил кружку длинными пальцами, впитывая тепло, подошёл к столу и сел напротив Аделины. Он подтянул колени к груди, спрятав ноги под плед, и уставился в поднимающийся над водой пар.

Пинцет Аделины продолжал тихо щёлкать. Вжик. Щёлк. Ещё одно здоровое семечко легло в правую кучку.

Только спустя пять минут непрерывного молчания Лев слегка повернул голову.

Дальний угол пищеблока, там, где свет от настольной лампы Аделины не мог бороться с тенями, казался абсолютно пустым. Лишь тусклый янтарный диод на плинтусе слегка подсвечивал текстуру ребристой стены. Но Лев смотрел именно туда.

Там, сливаясь с темнотой, сидел Гриф.

На нём не было экзоскелета. Только серые форменные штаны и черная термомайка, плотно облегающая широкие плечи. Гриф не пил чай. Он не читал датапад. Он сидел на табурете с идеально прямой спиной, скрестив руки на широкой груди, устремив тяжёлый, немигающий взгляд прямо перед собой — в сторону выхода в центральный коридор. В этом полумраке он казался не живым человеком, а каменной горгульей, приваренной к палубе для охраны.

Гриф делал вид, что он просто «в дозоре». Что его долг

безопасника требует контролировать периметр в часы минимальной активности. Но Лев, который читал людей лучше, чем многие читали книги, знал правду. Грифе тоже было до одури страшно оставаться одному в темноте своей каюты. Ему нужно было видеть людей, чтобы убедиться, что мир не распался, пока он моргал.

Лев сделал крошечный глоток горячего варева.

— Григорий, — голос философа был тихим, ровным, почти сливающимся с гулом вентиляции. — Ты так сверлишь взглядом выход в коридор, будто ждёшь, что оттуда с внезапной проверкой сейчас выйдет адмирал флота.

В углу ничего не изменилось. Лишь спустя долгую секунду тень чуть пошевелилась.

— Я жду, когда оттуда выйдет здравый смысл, — голос Грифа из темноты прозвучал глухо, сухо и безнадежно. Он даже не изменил позы. — Но, судя по всему, его тоже спасали вместе со станцией.

Аделина не прекратила свою работу. Щёлк. Ещё одно семя отправилось в отбраковку.

Лев чуть заметно улыбнулся, глядя на отражение янтарного диода в своей чашке.

— Здравый смысл сейчас спит, Григорий. В уютных криогенных капсулах колониальных транспортов. Или в светлых квартирах центральных миров, — Лев подул на чай. — Здравый смысл — это вообще привилегия людей с очень короткой памятью и очень стабильным расписанием. У нас с то-

бой нет ни того, ни другого.

Гриф не ответил. Он продолжил нести свою вахту против бесконечности.

Лев перевёл взгляд на Аделину. Свет выхватывал из полумрака её лицо, подчёркивая сетку мелких морщин у глаз и глубокую складку между бровей. Это было лицо человека, который каждый день берёт на себя чужую тяжесть, не имея возможности сбросить свою.

Лев смотрел, как аккуратно, почти с благоговением, её пинцет касается крошечных угольков жизни.

— Тебе не тяжело? — спросил Лев. Вопрос прозвучал без всякого предисловия, но на станции все давно привыкли к тому, что Лев никогда не тратит слова на вступления.

Аделина замерла. Пинцет завис в миллиметре от салфетки.

— Что именно, Лев? — её голос был мягким, как старая, выцветшая фланель.

— Помнить всех, — философ поставил кружку на стол. — Даже тех, кого уже давно нет. Тех, кто исчез в секторах консервации. Тех, для кого мы ставим десятую тарелку. Помнить их запахи, их любимую еду, их манеру говорить. Человеческий мозг обычно стирает детали мёртвых, чтобы не сойти с ума. А ты... ты носишь их всех с собой. Как архив.

Она не смотрела на него. Аделина очень осторожно сдвинула пинцетом здоровое семечко в правую кучку. Отложила инструмент на стол. И только потом подняла глаза. В свете

тусклой лампы они казались тёмными, бездонными колодцами.

— Забыть — значит убить человека во второй раз, Лев, — произнесла она с такой тихой убеждённой, что эти слова показались тяжелее всего металла на станции. — Рациональный мир там, снаружи, так и делает. Оптимизирует горе. Удаляет файлы. Корректирует нейронные связи, чтобы повысить эффективность оставшихся. Но если мы начнём делать так же... мы станем просто биологическими механизмами.

Она сложила руки на коленях.

— Человеку очень страшно исчезать, Лев, — продолжила Аделина шёпотом. — Но ещё страшнее — исчезнуть так, будто тебя никогда не было. Иногда людям не нужно, чтобы их спасали. Иногда им просто достаточно знать, что кто-то заметил, что они сегодня не спят.

В пищеблоке воцарилась тишина. Настоящая, глубокая. Та, в которой слова продолжают звучать даже после того, как были произнесены.

Лев медленно кивнул, соглашаясь. Гриф в своём углу чуть опустил голову, словно эти слова пробили его каменную броню.

Аделина мягко улыбнулась. Она перевела взгляд с Льва на тёмный угол.

— Григорий, — сказала она теплым, почти домашним тоном. — Иди сюда. Я сделаю тебе ромашку. У тебя напряже-

ны плечи.

Гриф открыл рот, чтобы привычно отказаться, сказать, что он на дежурстве и протокол не позволяет расслабляться, но...

Звук.

Он раздался не из-под потолка, где располагались динамики Архонта. И не со стороны вентиляции. Он пришёл откуда-то из глубины переборок, со стороны тёмного зева центрального коридора.

Это не был скрежет стареющего металла или хлопок клапана давления.

Это был звук, похожий на то, как медленно, с мучительным усилием, растягивается толстое, влажное сухожилие огромного животного. Тягучий, низкий, утробный звук деформирующегося пространства.

Уууу-ррр-ххх.

Все трое замерли.

В ту же секунду дежурные янтарные светодиоды вдоль плинтусов судорожно моргнули. Один раз. Два. Три. Свет потускнел, словно электричество с трудом пробивалось сквозь провода.

Тень в углу метнулась.

Гриф не встал — он катапультировался со своего табурета. В долю секунды старый, уставший человек, искавший утешения в темноте, исчез. Перед ними снова стоял начальник службы безопасности, чья нервная система мгновенно

переключилась в боевой режим. Спина идеально прямая. Лицо превратилось в маску. Ладонь легла на пояс, туда, где должен был висеть электрошок, хотя он оставил его в каюте.

— Оставайтесь на местах, — бросил Гриф. Его голос больше не звучал безнадёжно. Он звенел сталью.

Коридор впереди молчал. Но тишина, хлынувшая из него, была уже другой. Она была неправильной.

* * *

Светодиоды вдоль плинтусов перестали судорожно моргать.

Но свет, который они начали излучать после этого сбоя, изменился. Он потерял свою тёплую, медовую густоту, превратившись в бледный, болезненный неон. Таким светом отливает застоявшаяся вода в технических резервуарах. Оттенки стали резкими, плоскими, вытягивая из лиц Аделины и Льва краски жизни, превращая их в восковые манекены.

Воздух в пищеблоке внезапно стал тяжёлым.

Это было физическое ощущение. Словно давление скачкообразно выросло, но не настолько, чтобы заложило уши, а так, чтобы каждый вдох давался с микроскопическим усилием. Плотность тишины изменилась. Она больше не была уютным одеялом, под которым прячутся от бессонницы. Она стала похожа на натянутую до предела барабанную перепонку, готовую лопнуть от малейшего прикосновения.

Гриф стоял неподвижно, застыв в трёх шагах от зева тёмного коридора, ведущего в сектор С-12.

Его левая рука машинально легла на пояс, пальцы сжались в кулак там, где обычно висела дубинка и шокер. Правая рука медленно, стараясь не производить лишнего шума шуршанием ткани, потянулась к наушнику-коммуникатору, вживлённому в воротник термомайки.

Он напряг слух, отсекая гул реактора, отсекая дыхание Аделины за спиной, отсекая собственное сердцебиение.

И тогда из темноты коридора С-12 пришёл звук.

Шаги.

Кто-то шёл по металлической палубе. Мягко, неторопливо. Не тяжёлые ботинки персонала, не лязг ремонтного дрона. Глухой, шлёпающий звук босых ног или мягких больничных тапочек.

Шлёп.

...

Шлёп.

Гриф нахмурился. Его челюсти сжались так сильно, что под кожей вздулись желваки. Дело было не в том, что кто-то нарушил режим сна. Дело было в самом звуке.

Он звучал неправильно. Невозможно.

Гриф служил в охране объектов достаточно долго, чтобы на уровне мышечной памяти, спинным мозгом чувствовать

акустику закрытых пространств. Скорость звука в воздухе при стандартном давлении станции — примерно триста сорок метров в секунду. Если источник звука находится в двадцати метрах по коридору, человеческое ухо должно улавливать сам звук шага и его отражение от стальных переборок почти одновременно. Как единый, слитый акустический профиль.

Но сейчас эхо опаздывало.

Удар голой пятки о металл.

Шлёп.

...Тишина...

И только спустя долгую, невозможную, тягучую половину секунды — гулкое, искажённое отражение от стен: *шшш-лëëп.*

Звук словно отслаивался от своего источника. Он запаздывал, тащился следом, как тяжёлый мешок, который волокут по полу. Это разрушало базовую физику. Это вызывало острую, подкатывающую к горлу тошноту — своеобразную морскую болезнь от сломанной реальности.

Мозг Грифа кричал об ошибке. Пространство не могло быть настолько большим, чтобы эхо запаздывало так долго. Либо коридор С-12 прямо сейчас стал длиной в полкилометра, либо...

Гриф сглотнул. Ладони внезапно покрылись липким, ледяным потом. Он почувствовал, как по спине пополз первобытный ужас. Главный страх Григория Терна — не смерть, не боль, не разгерметизация. Его главным страхом была потеря контроля. А как, чёрт возьми, можно контролировать периметр, если в нём больше не работают законы Ньютона?

Гриф дважды постучал пальцем по коммуникатору на воротнике.

— Архонт, — его голос звучал тихо, но жёстко. Приказной тон старого безопасника, требующего доклада от подчинённого. — Статус сектора С-12. Локальное падение давления? Разгерметизация контура? Утечка атмосферы?

Он ждал немедленного ответа. Сухой сводки цифр, которая вернёт мир в привычные рамки измеряемых величин.

Ответ пришёл из динамика под потолком пищеблока. Но голос ИИ, обычно ровный, как линия горизонта, на этот раз поплыл. Он дрожал, тоны и обертоны скакали, словно старую магнитную ленту зажевало в древнем проигрывателе.

— Заф... к-к-ксировано... локальное... — Архонт запнулся. В его синтезированном голосе слышалось что-то пугающе похожее на цифровое заикание. Словно машина пыталась подобрать слово, которого не было в её базах данных. — Давление... в норме. Температура... в норме. Состав воздуха... в пределах допустимых погрешностей.

— Какого чёрта тогда там происходит со звуком? — прошипел Гриф, не сводя глаз с темноты.

Шлёп.

...

ишии-лëëён.

Шаги медленно приближались.

— Мои оптические и акустические сенсоры получают... противоречащие данные, — голос Архонта внезапно упал на октаву ниже, став глухим и гудящим. — Топологическая сетка сектора не совпадает с заложенными в архитектуру чертежами. Геометрия... обрабатывается.

Гриф замер. Воздух в лёгких словно превратился в лёд.

— В смысле «обрабатывается»?! — Гриф почти сорвался на рык, хотя продолжал говорить вполголоса. Его рука легла на пояс и отстегнула длинный, тяжёлый тактический фонарь из чёрного ударопрочного пластика. — Это коридор, Старик! Это кусок железа, обшитый пластиком! А не теорема! Что значит геометрия обрабатывается?!

— Пространственная модель сектора С-12 в данный момент времени... — Архонт снова затрещал статикой, — не поддаётся евклидову описанию. Пожалуйста, ожидайте перекалибровки.

Динамик отключился с резким щелчком, оставив их наедине с тишиной. И с шагами.

Шлёп.

...

ишии-лëëën.

За спиной Грифа Лев Терн медленно, очень осторожно опустил свою кружку на стол. На этот раз он не улыбался. Его всегда расслабленная, философски-отстранённая поза исчезла. Он сидел прямо, глядя на спину безопасника с напряжением человека, который всю жизнь теоретизировал о конце света, и вдруг понял, что этот конец наступает прямо сейчас, в три часа ночи, в кухонном отсеке.

Аделина Мор сидела неподвижно. Её пальцы побелели от того, с какой силой она вцепилась в края белой салфетки, словно защищая свои маленькие гидропонные семена от надвигающегося хаоса. В её глазах плескался страх, но она не издала ни звука, чтобы не отвлекать Грифа.

— Вы слышите? — голос Грифа был сухим, как пепел. Он спрашивал не оборачиваясь.

— Задержка эха, — тихо ответил Лев. Его интонации потеряли всякую иронию. — Звук тащится следом за шагом, как тень на закате. Как будто пространство между нами и тем, кто идёт... растягивается.

— Это невозможно, — отрезал Гриф. Он поднял фонарь, но пока не включал его. — Металл не растягивается без разрыва. Если бы корпус деформировался, сработала бы тревога разгерметизации. Это сбой акустических датчиков. Или локальная галлюцинация из-за переработки фильтров CO₂.

Он проговаривал это вслух, чтобы успокоить себя. Чтобы вернуть мир в рамки параграфов, допусков и технических регламентов. Галлюцинация — это нормально. Неисправность датчиков — это нормально. Это можно починить. Это можно игнорировать.

Но шаги из темноты продолжались.

Лев медленно поднялся со стула. Плед соскользнул с его плеч и упал на пол серой кучей. Он сделал шаг вперёд, не сводя глаз с тёмного провала коридора.

— Кажется, Вселенная проснулась, Григорий, — произнёс Лев. Его голос прозвучал почти благоговейно, но в этом благоговении таился чистый, беспримесный экзистенциальный ужас. — Сотни лет она нас просто не замечала. А теперь проснулась. Посмотрела на нас. И знаешь что?

Лев сглотнул.

— Мы ей не нравимся. Она пытается стряхнуть нас, как блох. Меня правила.

Гриф резко обернулся. Его лицо в болезненном свете янтарных светодиодов выглядело как старая, высушенная маска.

— Прекрати нести этот бред, Лев, — рявкнул он. В его голосе зазвучала старая, армейская сталь. Он цеплялся за неё, как утопающий за обломок корабля. — Нет никакой проснувшейся Вселенной. Есть неисправность на вверенном мне объекте. Есть нарушение когнитивной стабильности. Есть неустановленное лицо в коридоре. Всё остальное

— лирика, от которой сходят с ума. А я не планирую сходить с ума в мою смену.

Гриф перехватил фонарь поудобнее. Большой палец лёг на прорезиненную кнопку включения.

Его математическая, структурированная паника уступила место холодному, методичному гневу. Что бы там ни происходило, оно ломало его порядок. Оно издевалось над его правилами.

— Аделина, — Гриф бросил взгляд на медсестру. — Оставайтесь здесь. Оба. За стол. И ни звука. Если давление начнёт падать — активируйте аварийные маски.

— Григорий, не надо, — Аделина впервые подала голос. Он дрожал. — Вызови Илью. Пусть он... пусть он сначала посчитает это. Ты же слышал, что сказал Архонт.

— Илья считает уравнения, — сухо ответил Гриф. — А я проверяю помещения. Каждый должен делать свою работу. Иначе мы все превратимся в стадо напуганных животных.

Он глубоко вдохнул, наполняя лёгкие тяжёлым, застоявшимся воздухом пищеблока. Скрипнули суставы, когда он чуть согнул ноги в коленях, принимая более устойчивое положение.

Щёлк.

Шлёп.

...

ишии-лëëën.

Шаги были уже совсем близко. Буквально за границей света, там, где начиналась территория сломанной геометрии.

Гриф шагнул за порог пищеблока, покидая зону безопасности. Его левая рука привычно скользнула вдоль бедра, готовая к атаке, правая крепко сжимала погашенный фонарь.

Он погрузился в холодную, густую темноту коридора С-12. И первое, что он почувствовал, переступив черту — как пропало ощущение стен по бокам. Пространство больше не было коридором. Оно ощущалось как бесконечная, чёрная труба, сжимающая его со всех сторон.

* * *

Коридор С-12 никогда не был приятным местом.

Даже в лучшие годы станции, когда экипаж измерялся десятками, а освещение работало на полную мощность, люди инстинктивно старались проходить этот участок быстрее. Здесь всегда пахло иначе — застоявшимся озоном, сухой пылью и почему-то старым, искрошившимся пластиком. Трубы под потолком сплетались в слишком сложный, хаотичный узел, нависая над головой тяжелыми, тёмными венами.

А сейчас, в режиме ночной экономии, коридор С-12 выглядел просто как бетонно-металлический склеп, уходящий в никуда. Холодный, стерильный свет редких дежурных ламп

едва пробивал темноту. Визуальная перспектива казалась слегка искажённой, как на древних картинах Эшера: линии сходились не там, где требовала геометрия.

Дыхание Грифа вырвалось изо рта лёгким белым облачком пара. Температура здесь действительно упала на несколько градусов.

Он переступил порог. Тьма сомкнулась за его спиной.

Гриф знал «Эвридику-9» наизусть. Это была не просто его работа — это был способ выживания его разума. Он знал, что в секторе жилого кольца ровно триста восемьдесят два осветительных плафона. Знал, что гидропоника потребляет на четыре литра воды больше по вторникам. И он точно, абсолютно безошибочно знал, что от входа в С-12 до первой технической развилки ровно сорок два его шага.

Стандартный армейский шаг. Семьдесят пять сантиметров. Никаких отклонений.

Гриф двинулся вперёд.

Один.

Тяжёлый ботинок ударил по палубе.

Два.

Звук ушёл во тьму. Эхо вернулось. На этот раз вовремя. Возможно, Архонт всё-таки сумел откалибровать акустические датчики. Гриф чуть расслабил плечи, но руку с рукояти выключенного фонаря не убрал.

Три. Четыре. Пять.

Он шёл ровно, как механизм. В этой мерности, в этом фи-

зическом действии был его якорь. Пока ты можешь измерять мир — мир поддается контролю. Если от точки А до точки Б ровно тридцать один с половиной метр, значит, Вселенная всё ещё работает по правилам Исаака Ньютона, а не по законам воспалённого воображения Льва Терна.

Двенадцать. Тринадцать.

Темнота впереди не рассеивалась, она казалась густой, почти осязаемой. Гриф шёл сквозь неё, разрезая грудью холодный воздух.

Где-то впереди снова раздался тот самый звук. Шлёпанье голых ног по металлу. Только теперь он не был искажён эхом. Он был реальным. И он был близко.

Тридцать восемь. Тридцать девять.

Гриф остановился на сороковом шаге.

Он медленно, стараясь не издать ни звука, поднял тяжёлый тактический фонарь на уровень груди. Большой палец мягко нажал на прорезиненную кнопку, активируя режим пониженной яркости.

Бледный, желтоватый луч света вырвался из отражателя, разрезав клубы пыли, висящие в невесомости статического электричества.

В пятне света, метрах в десяти от Грифа, стояла фигура. Это была Марта Кean.

Она стояла к нему спиной. На ней была выцветшая, мешковатая больничная пижама, явно на пару размеров больше нужного. Ткань висела на её худом теле, делая её похожей на

тряпичную куклу, забытую ребёнком в пустом доме.

Но самое страшное было внизу. Марта стояла на абсолютно ледяном, промёрзшем рифлёном металле палубы босыми ногами.

Одна её рука — бледная, тонкая, с длинными пальцами художника — была плотно прижата к переборке. Марта стояла неподвижно, склонив голову набок, словно прислушиваясь к тому, что происходит внутри стальной стены. Её глаза были закрыты.

В её позе не было ни капли страха. Ни напряжения. Наоборот, она выглядела пугающе умиротворённой. Словно она была единственным нормальным человеком в комнате, где все остальные внезапно сошли с ума.

Диагноз Марты в старых медицинских картах звучал как «диссоциативное расстройство восприятия». Но Илья однажды сказал Грифе другую фразу, от которой у старого военного пошли мурашки: *Она чувствует топологию*. Для Марты Вселенная не была пространством. Она была формой, которую можно потрогать.

Гриф сглотнул вязкую слюну. Он сделал ещё один шаг.

Сорок один.

Марта не обернулась. Она продолжала гладить холодный металл стены мягкими, круговыми движениями ладони, как врач успокаивает больного, мечущегося в лихорадке.

Гриф сделал следующий шаг.

Сорок два.

Вот здесь. Прямо здесь, по правую руку, должен был находиться тёмный провал технической развилки, ведущей к щиткам распределения кислорода. Гриф рефлекторно повернул голову вправо, ожидая увидеть привычный чёрный прямоугольник входа.

Его взгляд уткнулся в абсолютно гладкую, сплошную металлическую переборку.

Сердце Грифа пропустило удар.

Этого не могло быть. Он моргнул. Перевёл луч фонаря на стену. Осветил старые царапины, капли конденсата, потускневшую краску. Сплошная стена. Никакой развилки. Никаких швов.

Может, он сбился со счёта? Нет. Григорий Терн никогда не сбивался со счёта. Он мог посчитать пули в магазине на слух по весу автомата. Он не мог ошибиться в сорока двух шагах.

Его мозг отчаянно забил тревогу. Система рушилась. Фундамент реальности давал трещину прямо у него под подошвами ботинок.

Гриф, подавляя подкатывающую к горлу панику, сделал ещё один шаг.

Сорок три.

По-прежнему сплошная стена.

Сорок четыре.

Гладкий металл.

Он подошёл к Марте почти вплотную. Луч его фонаря те-

перь освещал её профиль. Тёмные волосы, тронутые ранней сединой, спутались. На лице блуждала мягкая, отрешённая улыбка.

— Марта, — голос Грифа прозвучал хрипло, неестественно сухо. Он изо всех сил старался сохранить начальственную, контролирующую интонацию. — Режим тишины. Почему вы покинули свою каюту в ночное время?

Марта медленно, нехотя открыла глаза. Они были тёмными, расширенными. Она не посмотрела на Грифа. Она смотрела прямо перед собой, на стену, к которой была прижата её рука.

— Он звучит не так, Григорий, — сказала она. Голос у неё был тихий, певучий, абсолютно лишенный тревоги.

Гриф нахмурился. Он посветил по сторонам.

— Кто звучит? Вентиляция? Трубопроводы охлаждения? Я уже сказал Архонту...

— Коридор, — мягко перебила его Марта.

Она отняла руку от переборки и медленно, грациозно повернулась к безопасному. Её босые ноги беззвучно переступили по ледяному металлу.

— Он звучит квадратно, — произнесла она, глядя прямо в глаза Грифе. — А должен звучать как длинная, натянутая струна. Но струна растянулась. Слишком сильно растянулась. Ему тяжело.

Марта подняла бледную руку и указала длинным пальцем прямо в темноту, туда, куда уходил С-12.

— Сегодня он длиннее, — констатировала она с лёгкой, почти сочувствующей улыбкой.

Гриф почувствовал, как по позвоночнику стекает холодная капля пота. Слова женщины били точно в ту брешь, которую только что пробили исчезнувшие метры пространства. Он стоял на отметке сорок четыре шага, а развилки всё ещё не было.

Он отказывался это принимать. Если ты принимаешь безумие мира, ты сам становишься его частью.

— Марта, послушайте меня, — Гриф сделал шаг к ней, включив свой самый суровый, успокаивающий тон. — Вам холодно. Вы без обуви. Акустика в старых секторах часто искажается из-за перепадов давления и микроскопических деформаций корпуса от температурных колебаний. Коридор не может стать длиннее. Это кусок титана. Он имеет фиксированный объём. Возвращайтесь в каюту. Это приказ.

Марта не сдвинулась с места. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах не было подчинения. Была только жалость. Та жалость, с которой взрослый смотрит на ребёнка, убеждающего себя, что монстров под кроватью не существует.

— Вы люди прямых углов, Григорий, — сказала Марта шёпотом, от которого у Грифа заледенела кровь. — Вы думаете, что если начертить линию на бумаге, то Вселенная обязана по ней согнуться. Вы измеряете бесконечность линейкой. Но прямых углов не существует. Геометрия — это ил-

люзия, которую вы придумали, чтобы вам было не так страшно спать в темноте.

Она сделала шаг в сторону, освобождая ему путь.

— Космос просто устал притворяться ради вас. Он возвращает себе форму.

Гриф тяжело задышал. Воздух в коридоре казался густым, как вода. Он злился. На неё, на Льва, на Илью, на самого себя за то, что его руки, сжимающие фонарь, предательски дрожат.

Он не верил словам. Слова — это абстракция. Он верил эмпирическим доказательствам. Физике. Света.

Он должен был увидеть дальнюю гермодверь. Дверь, которая находилась в восьмидесяти метрах от входа. Если он её осветит, если он увидит её металлический контур и жёлтые предупреждающие полосы, значит, мир всё ещё нормален. Значит, Марта просто сумасшедшая пациентка, а он сам переутомился.

Гриф перехватил фонарь обеими руками. Он поднял его на уровень глаз, целясь строго по центру коридора.

Большой палец лёг на переключатель мощности. Он с силой вдавил его до щелчка, активируя максимальный, дальнобойный режим.

Ослепительно-белый, плотный, как лезвие лазера, луч света вырвался из фокусирующей линзы. Он с треском разрезал крошечную тьму, превратив висящую в воздухе пыль в сверкающий снег.

Свет ударил вперёд со скоростью почти триста тысяч километров в секунду. Самая константа из всех констант Вселенной. Свет всегда движется по прямой. Это был закон, на котором строилась вся навигация, вся физика, всё человеческое понимание реальности.

Гриф смотрел вслед лучу.

Луч летел ровно. Десять метров. Пятнадцать. Двадцать. Белый круг выхватывал из мрака серые переборки, паутину труб, пятна старой ржавчины.

А затем произошло нечто, что навсегда сломало Григория Терна.

Метрах в двадцати пяти от него, там, где коридор визуально должен был продолжаться прямо, луч света дрогнул.

Он не упёрся в стену. Он не рассеялся в тумане.

Свет начал плавно, грациозно изгибаться влево.

Белый, плотный луч перестал быть прямой линией. Он лёг на невидимую дугу пространства, уходя в темноту по кривой траектории. Край пятна света заскользил по левой стене, вытягиваясь, деформируясь, послушно следуя за искривлённой геометрией коридора, которой не существовало в чертежах «Эвридики-9».

Свет перестал ходить по прямой.

Гриф перестал дышать. Он стоял, словно превратившись в соляной столб, сжимая в руках фонарь, луч которого уходил куда-то в сторону, огибая пустоту, словно огибая массивную чёрную дыру.

Физика закончилась. Рациональный мир был мёртв.

Гриф медленно, непослушными, негнушимися пальцами щёлкнул переключателем.

Фонарь погас. Тьма мгновенно сомкнулась, скрывая невозможную картину.

Только слабое, бледное свечение дежурных ламп позволяло различить силуэт Марты Кean, которая стояла рядом, умиротворённо прикрыв глаза.

Гриф опустил тяжёлую голову на грудь. В тишине коридора было слышно только его прерывистое, свистящее дыхание. В его голове, среди рушащихся алгоритмов и сгоревших инструкций безопасности, билась только одна, абсолютно пустая, отчаянная математическая мысль.

«Пятьдесят шесть шагов», — подумал он.

До развилки оставалось ещё двенадцать.

Глава 3. Коридор

— Возвращайтесь в каюту, Марта.

Голос Грифа прозвучал неожиданно глухо, словно он говорил сквозь слой плотной ваты. Он не добавил ни «это приказ», ни «немедленно». Впервые за долгие годы в его интонации не было железа. Там осталась только усталость человека, который держит на плечах слишком тяжелый свод, и этот свод только что дал трещину.

Марта Кean не стала спорить. Она бросила на него ещё один свой мягкий, сочувствующий, почти материнский взгляд, кивнула и беззвучно развернулась. Её босые ноги не издавали ни звука на промёрзшем металле. Она просто растворилась во мраке коридора, слившись с тенями, как призрак, которым она, возможно, наполовину и была.

Гриф остался один.

На станции наступило «утро». По внутреннему корабельному времени сейчас было начало первой смены. Освещение в секторе С-12 должно было перейти из ночного янтарного режима в дневной, ярко-белый.

Но этого не произошло.

Дежурные лампы под потолком лишь слегка изменили спектр, став болезненно-серыми. Этот свет не разгонял темноту, а скорее делал её более осязаемой. Он напоминал ранний, морозный рассвет на Земле, скрытой за плотной пеле-

ной грязных облаков, когда солнце так и не может пробиться к поверхности. В этом тусклом, техническом свете все предметы казались плоскими, выцветшими, лишёнными объёма.

Запах тоже изменился. Обычно утром вентиляция прогоняла по станции поток очищенного, ионизированного воздуха, пахнувшего грозой и химической свежестью. Сейчас в С-12 стоял тяжёлый, спёртый дух. Пахло пылью, слежавшейся в углах, старой медной проводкой, которая перегревалась десятилетия назад, и почему-то мелом.

Гул реактора, доносящийся из осевого стержня, больше не был ровным монотонным фоном. В нём появилась крошечная, едва уловимая аритмия. *У-у-у-у... у-ух... у-у-у-у.* Станция словно запинаясь. Она гудела так, как дышит человек перед тем, как окончательно потерять сознание.

Гриф медленно опустил бесполезный тактический фонарь.

Его мозг — мозг старого безопасника, привыкшего оперировать параграфами, допусками и измеримыми величинами — отчаянно отказывался принимать то, что он видел. Луч света, изогнувшийся в пустоте, был невозможен. Это было прямое нарушение фундаментальных законов физики.

«Галлюцинация, — сказал себе Гриф. — Оптическая иллюзия. Преломление света в скоплении микроскопической пыли и статического электричества. Взвесь микрочастиц создала эффект линзы».

Он цеплялся за это объяснение с упорством утопающего.

Потому что альтернативой было признание того, что реальность сломалась. А если реальность сломалась, значит, инструкции не работают. Значит, он больше никого не может защитить.

Ему нужны были факты. Эмпирические данные. То, что можно потрогать руками.

Гриф привычным жестом сунул руку в боковой подсумок разгрузочного жилета. Его пальцы нащупали гладкий корпус лазерного дальномера. Он уже собирался вытащить его, но рука замерла.

Нет. Лазер — это свет. А свет здесь, в этом проклятом коридоре, больше не подчинялся правилам прямой линии. Если пространство изгибалось, лазерный луч изогнётся вместе с ним и выдаст стандартные показатели.

Он опустил руку глубже в сумку, отодвинул моток изолянта, запасные предохранители и нащупал другой предмет. Тяжёлый. Угловатый. Холодный.

Гриф вытащил старую, промышленную аналоговую рулетку.

Это был массивный металлический блок, внутри которого была скручена тугая пружина и пятидесятиметровая стальная лента. Вещь эпохи инженерного максимализма Исхода, когда доверяли не микрочипам, а металлу и механике. Ярко-жёлтая стальная полоса с нанесёнными на неё чёрными миллиметровыми делениями. Эту ленту нельзя было обмануть. Она не зависела от скорости света. Она зависела только

от своей физической длины.

Гриф подошёл к тому месту, где начинался коридор С-12, прямо у кромки стыковочного шва переборки.

Он тяжело, с хрустом в суставах, опустился на колени. Ледяной холод палубы мгновенно пробил ткань штанов, впиваясь в кожу. Гриф не обратил на это внимания. Он зацепил Г-образный стальной язычок рулетки за выступающий шов на полу.

Щёлк. Язычок встал намертво.

Гриф пополз вперёд.

Он передвигался на коленях, правой рукой крепко прижимая жёлтую стальную ленту к полу, чтобы она шла идеально ровно, параллельно стене.левой рукой он держал тяжёлый металлический корпус рулетки, из которого с резким, агрессивным, царапающим звуком выматывалась лента.

Чрррк-чрррк-чрррк.

Этот металлический скрежет был единственным звуком в секторе. Он был громким, неприличным, совершенно неуместным в этой пугающей космической тишине, но Грифу этот звук сейчас казался самой прекрасной музыкой на свете. Это был звук человеческой логики, которая вгрызается в абсурд.

Он полз метр за метром.

На коленях. Склонив голову, напряжённо вглядываясь в деления. Он был похож на древнего жреца, который вымалывает пощад у невидимого божества, но вместо молитвы у

него была измерительная шкала.

Десять метров. Двадцать метров.

Для него один сантиметр погрешности в корпусе космической станции означал микротрещину. Микротрещина под давлением вакуума за несколько часов превращалась в разрыв. Разрыв означал взрывную декомпрессию, кровь, кипящую в венах, и смерть в ледяной пустоте. В его мире не существовало такого понятия, как «коридор стал длиннее». Была только деформация. А деформацию можно было найти, измерить и стянуть сваркой.

Тридцать метров.

Колени саднило, спина ныла от неудобной позы. Капля пота скатилась со лба, сорвалась с кончика носа и упала на жёлтую сталь ленты, разбившись о чёрную отметку «31».

Гриф дополз до самого конца коридора. Здесь, упираясь в глухую герметичную дверь с поблёкшими жёлто-чёрными предупреждающими полосами, он остановился.

Лента была натянута как струна. Идеально прямая жёлтая линия от начала до конца. Никаких изгибов. Никакого провисания.

Гриф нажал на тугую кнопку фиксатора на корпусе рулетки. Внутренний механизм щёлкнул, намертво блокируя стальную ленту.

Он сел на корки, дыша тяжело, с хрипом, и вытащил свободной рукой из кармана старый датапад. Экран мигнул, загружая интерфейс. Гриф открыл архитектурные чертежи

«Эвридики-9», заложенные ещё на стапелях верфей Земли сотни лет назад. Файлы, которые не менялись. Абсолютная, документированная истина.

Его грязный от пыли палец быстро провёл по экрану, увеличивая масштаб.

— Центральное кольцо, — пробормотал Гриф вслух, его голос дрожал. — Технический сектор С-12. Осевой сегмент номер четыре. От входного шва до гермозатвора номер двадцать...

Он нашёл нужную цифру на экране.

Длина: 32 метра 00 сантиметров. Нулевой допуск на деформацию при штатных перепадах температур.

Гриф опустил взгляд на рулетку, прижатую к самой кромке гермодвери. Жёлтая сталь блестела в сером свете дежурной лампы.

Он посмотрел на деление, которое точно совпадало с краем двери.

32 метра.

И 14 сантиметров.

Гриф перестал дышать.

Его мозг, словно перегруженный процессор, завис на этой цифре. Четырнадцать сантиметров. Сто сорок миллиметров.

Где они? Откуда взялась масса? Как кусок монолитного титанового сплава, композитной обшивки и сложной проводки мог растянуться на четырнадцать сантиметров без

единой трещины, без разрыва кабелей, без сигнала об утечке атмосферы? Это было невозможно химически, физически, молекулярно. Вселенная не вплетает новую материю из пустоты просто потому, что ей так захотелось.

Он сидел на корточках в абсолютной тишине. Только из его горла вырывался тихий, прерывистый свист.

Он не кричал. Он не бил кулаками по стене. Он спрятал свой животный, первобытный ужас, ужас примата перед надвигающейся бурей, за бетонной маской профессионального контроля. Но пальцы, сжимающие металлический корпус рулетки, побелели до такой степени, что, казалось, сейчас лопнет кожа.

Гриф продолжал сидеть. Он смотрел на отметку.

Прошла минута. Пять минут.

Гул реактора за стеной продолжал запинаться. Станция скрипела — не так, как раньше, от перепада температур. Она скрипела так, словно старые кости ворочались во сне.

Спустя ровно десять минут, отмеренных внутренними часами Грифа, он сделал глубокий вдох, нажал на фиксатор, слегка отпуская пружину. Стальная лента сдвинулась. Он снова натянул её вплотную к гермодвери, выравнивая миллиметр к миллиметру, и нажал фиксатор.

Он опустил глаза.

32 метра.

И 11 сантиметров.

Гриф моргнул. Затем закрыл глаза и сжал веки так сильно, что перед ними поплыли красные круги. Открыл снова.

11 сантиметров.

Коридор не просто стал длиннее. Коридор менялся прямо сейчас. Он сжался на три сантиметра за десять минут.

Сектор дышал.

Это открытие ударило по Грифе сильнее, чем удар кувалдой. Физика закончилась. Чертежи были бесполезным мусором. Он сидел внутри организма, который перестраивал свою собственную анатомию.

В этот момент тишину коридора разорвал сухой треск электричества.

Динамик системы громкой связи, скрытый за решёткой в нескольких метрах над головой Грифа, ожил.

— Сотрудник Григорий, — голос Архонта прозвучал так же плоско и бесстрастно, как всегда, но сейчас в этой мёртвой синтетике слышалась издёвка. — Мои оптические сенсоры фиксируют, что вы находитесь на полу сектора С-12. Ваша поза классифицируется как не предусмотренная протоколом безопасности при штатном несении вахты. Вы сидите на корточках в течение одиннадцати минут. Зафиксировано учащённое сердцебиение. Запросить активацию медицинского модуля?

Гриф медленно поднял голову. Он не стал вставать. Он смотрел прямо в чёрную щель решётки динамика, и в его взгляде была холодная, сконцентрированная ярость челове-

ка, которого припёрли к стенке.

Зубы Грифа были стиснуты так, что болели челюсти.

— Отмени, — процедил он сквозь зубы. Его голос был хриплым, низким, звенящим от напряжения.

— Уточнение, — не унимался ИИ. — Протокол требует указать причину отказа от медицинской помощи при нестандартном поведении сотрудника. Что вы делаете на полу, Григорий?

Гриф посмотрел на рулетку, на жёлтую ленту, протянувшуюся сквозь тьму, на безумные одиннадцать сантиметров избыточной реальности.

Его защитный механизм сработал так, как всегда срабатывал у военных, столкнувшихся с невыносимым пиздецом: он включил сухой, мрачный сарказм.

— Я провожу инвентаризацию геометрии, Старик, — сухо ответил Гриф.

— Геометрия не подлежит инвентаризации, сотрудник Григорий, — мгновенно парировал Архонт, зачитывая поддержку из каких-то древних базовых программных кодов. — Законы пространственных величин не изменны в локальных системах координат. Это константа.

Гриф криво, злобно усмехнулся. Эта улыбка была похожа на шрам.

— Вот и запиши в свой бортовой журнал, Архонт, — тихо, с расстановкой произнёс он в потолок. — Константа только что подала в отставку. И вышла в открытый космос без ска-

фандра.

Здравый смысл был абсолютно бесполезен. Он не мог помочь ему заварить дыру в правилах Вселенной. Вселенная меняла правила игры прямо по ходу партии, даже не удосужившись сообщить об этом единственному игроку, который пытался играть честно.

Гриф медленно поднялся. Коленные суставы в старом экзоскелете протестующе лязгнули, сливаясь с хрустом его собственных хрящей.

Он постоял секунду, глядя на гермодверь, которая находилась там, где её не должно было быть.

А затем он до упора вдавил кнопку фиксатора на рулетке.

Механизм, сдерживающий огромную стальную пружину, высвободился. Тридцать два с лишним метра туго натянутой, жёсткой жёлтой ленты рванули обратно в корпус.

ВЖИИИИ-КЛАЦ!

Звук был резким, злым, агрессивным, как удар бича. Он с оглушительным лязгом всосался в металлический короб, ударив Грифа по ладони с такой силой, что он едва не выронил инструмент.

Этот железный визг полетел по коридору С-12, ударяясь о трубы, о переборки, уносясь во тьму.

Гриф спрятал рулетку в подсумок. Он тяжело вздохнул, собираясь развернуться и пойти обратно.

Но в этот момент из-за его спины, из той самой пустоты, которую он только что измерил, вернулось эхо.

Оно вернулось не сразу. Оно подождало ровно одну, идеальную, растянутую секунду.

И только потом, из абсолютной тишины, за его спиной отчётливо раздалось:

...вжиии-клац.

Этот звук был мёртвым. Он словно был записан на плёнку и воспроизведён специально для него. Искажённый, лишённый высоких частот, тащущийся следом за реальностью.

Гриф не обернулся. Он знал, что там никого нет. Там вообще больше ничего не было, кроме сдвинувшихся вероятностей.

Он развернулся на каблуках и быстрым, тяжёлым, маршевым шагом пошёл прочь из сектора С-12. Он шёл в коммуникационный узел. Туда, где находились серверные стойки Архонта. Если реальность сломалась, ему нужен был прямой, не отфильтрованный динамиками доступ к мозгу машины.

Ему нужно было знать, сошёл ли с ума он один, или ИИ тоже болен.

* * *

Коммуникационный узел станции располагался в самом защищённом, самом бронированном сегменте осевого стержня. Во времена Великого Исхода это помещение пульсировало терабайтами данных, синхронизируя навигацию ковчега с дальними маяками человечества.

Теперь это был склеп.

Гриф отодвинул тяжёлую гермодверь вручную, переведя её в механический режим. В лицо тут же ударил застоявшийся холод. В серверной пахло не так, как на остальной станции. Здесь не было запаха людей, не было ароматов кухни Самуила или трав Аделины. Здесь царил сухой, стерильный дух перегретого кремния, старой пыли, скопившейся на кулерах, и статического электричества.

В огромном зале стояли десятки рядов чёрных монолитных вычислительных стоек. Все они были мертвы. Идеально ровные аллеи тёмного металла, похожие на надгробия цифрового кладбища.

Работал только один ряд в самом центре.

Там, в окружении сплетения толстых оптических кабелей, слабо светился главный технический терминал. Его экран излучал бледный, жёлто-зелёный свет — больной цвет старой электроники, отживающей свой век.

Гриф подошёл к терминалу. Он тяжело опустился в жёсткое операторское кресло. Тусклый свет экрана ударил ему в лицо снизу вверх, безжалостно подчёркивая каждую морщину, каждую складку усталости, превращая его суровое лицо в резкую, вырезанную из дерева маску.

Его пальцы, всё ещё хранящие фантомное напряжение от металлической ленты рулетки, легли на тяжёлую, механическую клавиатуру.

Гриф не собирался разговаривать с динамиками на потол-

ке. Ему нужен был прямой доступ. В обход модулей лингвистической адаптации, в обход сглаживающих фильтров ИИ. Ему нужны были голые, сырые цифры машинного кода.

Он ввёл личный код администратора службы безопасности.

Клавиши щёлкали громко, резко, как оружейные затворы. В пустом, гулком зале серверной каждый удар отдавался гулким эхом, которое, в отличие от сектора С-12, возвращалось мгновенно и правильно.

Зелёный прямоугольник курсора на экране мигнул и сменился командной строкой.

Гриф ввёл директиву.

> ЗАПРОС: ПОЛНОЕ ТОПОЛОГИЧЕСКОЕ СКАНИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТУРА.

> УРОВЕНЬ ДОСТУПА: АБСОЛЮТ

> ПАРАМЕТР: СВЕРКА С БАЗОВОЙ АРХИТЕКТУРОЙ

Он с силой ударил по клавише ввода.

На экране появилась полоса загрузки. Гриф скрестил руки на груди, сжав челюсти. В старые времена, когда станция ещё помнила прикосновение ремонтных доков Земли, квантовое ядро Архонта выполняло подобные вычисления за доли секунды. Машина просто считывала объём и выдавала результат быстрее, чем человек успевал моргнуть.

Сейчас полоса загрузки ползла мучительно медленно.

14%...

32%...

41%...

Курсор в конце строки нервно пульсировал. Это мигание напоминало аритмичное, неровное сердцебиение существа, которое умирает, но отчаянно отказывается это признать. Вентиляторы в живых серверных стойках за спиной Грифа взвыли, набирая обороты. Температура в узле начала расти. Машина выделяла тепло от колоссального напряжения вычислительных мощностей.

89%...

И на этой цифре Архонт остановился.

Полоса загрузки замерла. Система словно споткнулась. Гриф подался вперёд, глядя в монитор. Квантовый процессор не мог «зависнуть» на расчёте физического объёма помещений. Для ИИ геометрия была самым простым языком во Вселенной. Это был базис, фундамент, на котором строилось всё остальное.

Внезапно зелёный свет экрана мигнул. Полоса загрузки исчезла, сменившись потоком падающих цифр и строк машинного кода, которые бежали так быстро, что сливались в сплошную зелёную стену. Архонт отбраковывал данные. Снова. И снова. Он пытался подогнать то, что видели его сенсоры, под то, что было записано в его неизменной памяти. И у него не получалось.

Гриф чувствовал, как внутри него обрывается последняя

тонкая нить надежды. Архонт был его последним союзником в войне против хаоса. Если машина сдастся, защиты больше не существует.

Наконец, водопад цифр на экране остановился.

Вместо сухого текстового отчёта, динамики терминала, встроенные в панель управления, издали тихий треск. Архонт решил ответить голосом. Даже при прямом доступе ИИ выбрал лингвистический модуль.

— Анализ... завершён, — голос Архонта прозвучал из колонок. И впервые за все десятилетия, что Гриф провёл на станции, этот голос не был монотонным отчётом машины. В нём прозвучала пугающая, чисто человеческая усталость.

Гриф не стал ничего печатать. Он просто заговорил в микрофон терминала.

— Выводи результат. Статус сектора С-12.

— Обнаружены множественные несоответствия, — медленно, с запинками произнёс ИИ. Зелёный курсор на экране пульсировал в такт его словам. — Сектор С-12 не совпадает с базой архитектурных данных. Отклонение по оси X составляет плюс одиннадцать сантиметров. Отклонение не является стабильным.

Гриф вцепился пальцами в подлокотники кресла. Значит, он не сошёл с ума. Рулетка не врал.

— Причина? — сухо, почти беззвучно бросил Гриф. — Сбой оптических и лазерных сканеров? Деградация сенсорной сетки? Ошибка обработки данных?

В серверной повисла тишина.

Одна секунда. Две секунды.

Для квантового ИИ две секунды — это не просто пауза. Это вечность. Эпоха, за которую цифровые цивилизации успевают родиться, рассчитать вероятности всех возможных вселенных и умереть. За эти две секунды Архонт перебрал миллиарды вариантов ответов.

— База данных... — голос машины дрогнул, исказившись статическим шипением. — База данных слишком... прямая.

Гриф замер. Воздух в лёгких словно превратился в пепел.

Он сидел, глядя на мерцающий зелёный экран, и не мог заставить себя сделать вдох. Его армейская выдержка, десятилетиями тренируемая броня, дала глубокую, непоправимую трещину.

Машины не используют слово «слишком».

«Слишком» — это оценочное суждение. Это субъективность. Для алгоритма длина коридора может быть либо равна эталону, либо не равна. Она может превышать допуски или укладываться в них. Но она не может быть «слишком прямой». Это была категория эстетики, эмоции, восприятия. Это был язык больного человека, а не бортового компьютера.

Гриф почувствовал, как по позвоночнику стекает капля ледяного пота. Даже искусственный интеллект, созданный из титана, графена и логики, был обречён на человеческие болезни, если его оставить в одиночестве на долгие столетия. Безумие оказалось заразным. Оно передавалось от углерода

к кремнию.

— Архонт, — голос Грифа сорвался на хриплый шёпот. — Обнули лингвистический фильтр. Что значит «база слишком прямая»? Говори терминами физики. Что с нами происходит? Это деформация корпуса? Внешнее гравитационное воздействие? Чёрная дыра? Что?!

Вентиляторы в соседней стойке тяжело загудели, сбрасывая излишки тепла.

— Анализ внешнего пространства не выявляет объектов, способных оказать критическое гравитационное воздействие на массу станции, — монотонно, но всё так же обречённо ответил Архонт. — Проверка структурной целостности не выявляет признаков разрушения, разрывов обшивки или усталости металла. Аномалия не является внешней угрозой.

— А чем тогда она является?! — Гриф почти выкрикнул это, ударив кулаком по подлокотнику. — Если мы не растягиваемся, если мы не ломаемся, откуда берутся эти чёртовы одиннадцать сантиметров?!

Зелёный свет экрана отразился в тёмных глазах старого безопасника.

Динамик тихо щёлкнул, словно ИИ прочищал своё электронное горло перед тем, как огласить смертельный диагноз.

— Топология внутреннего пространства станции перестраивается в режиме реального времени, — произнёс Архонт. Фраза была выстроена идеально, без запинок. И от это-

го её смысл стал ещё невыносимее. — Станция не разрушается, Григорий. Она... адаптируется.

— Адаптируется под что?

— Под ваше восприятие.

Гриф медленно откинулся на спинку кресла. Механизм жалобно скрипнул.

— В радиусе наблюдения находятся девять биологических объектов с нестандартной когнитивной архитектурой, — продолжил Архонт безжалостно ровным тоном. — Зафиксирован эффект резонанса. Изолированная система, лишённая внешнего наблюдения, начинает терять объективную форму. Пространство... принимает форму тех, кто в нём находится. Геометрия разрушается, потому что...

Архонт сделал ещё одну крошечную, немислимую для алгоритма паузу.

— Потому что вы, Григорий, и остальные жители... вы больше не мыслите прямыми линиями.

Гриф смотрел на зелёный мигающий прямоугольник курсора.

Всё встало на свои места. Ужасные, невозможные, чудовищные места.

Если Марта Кean ощущает мир как пластилиновую абстракцию — значит, сектор вокруг неё действительно начинает растягиваться. Если Лев Терн считает, что реальность абсурдна — значит, физика начнёт вести себя абсурдно. Станция, застрявшая в бесконечной пустоте, перестала

быть просто куском железа. Оторванная от остального, рационального человечества, она стала зеркалом. Гигантским, металлическим зеркалом, отражающим девять сломанных разумов.

Они не просто плыли в аномалии. Они сами были этой аномалией.

А Гриф, со своей маниакальной рулеткой и протоколами безопасности, был единственным, кто всё ещё пытался заставить воду принять форму квадрата. И он проигрывал.

Тишина в серверной стала абсолютно могильной. Только гудели старые кулеры.

Гриф протянул дрожащую руку к клавиатуре и нажал кнопку принудительного отключения терминала. Экран мигнул, вспыхнул яркой зелёной искрой по центру и погас, погрузив коммуникационный узел в почти полный мрак.

Единственный источник объективной логики на «Эвридике-9» только что признал своё поражение.

Гриф закрыл лицо руками, втирая холодные пальцы в усталые глаза. Ему нужен был кто-то, кто понимает в этом больше, чем сошедший с ума ИИ и старый солдат с рулеткой. Ему нужен был человек, который чувствует математику пространства как свою собственную кровь.

Он резко поднялся, развернулся на каблуках и направился к выходу из серверной. Он шёл к Илье.

В пищеблоке было тихо, но это была не та мёртвая тишина, что царила в заброшенных секторах. Здесь тишина имела чётко выраженный, сложный ритм.

Илья Вектор сидел прямо на холодном, рифлёном металлическом полу, вдали от тёплых плит Самуила. Он скрестил свои непомерно длинные, худые ноги в позе лотоса, ссутулив плечи так сильно, что его спина стала похожа на вопросительный знак. Его глаза были плотно закрыты. Свет дежурных ламп обрисовывал резкие, аскетичные скулы математика и бледную кожу, на которой проступала синева вен.

Илья методично, костяшками указательного и среднего пальцев правой руки, отстукивал по стальной палубе дробь.

Это не был музыкальный такт. Это не был марш или ритм земного танца.

Тук.

...

Тук-тук.

.....

Тук.

Ритм был рваным, синкопированным, почти болезненным для слуха. В нём зияли акустические провалы, неестествен-

ные паузы, после которых следовали сдвоенные удары. Илья словно пытался нащупать пульс у существа, чьё сердце бьётся по законам двенадцатимерного пространства.

Костяшки его пальцев уже покраснели от контакта с жёстким металлом, но математик, казалось, вообще не чувствовал боли. Он вслушивался не в звук удара. Он вслушивался в вибрацию, которая расходилась от его костяшек по полу, уходила в переборки и терялась где-то в архитектуре станции.

За длинным обеденным столом, положив подбородок на сцепленные в замок пальцы, сидел Лев Терн. Он не пытался заговорить с Ильёй. Он просто внимательно, с мягкой академической сосредоточенностью, наблюдал за этим странным процессом. Лев понимал: Илья сейчас не на станции. Илья сейчас глубоко в уравнениях, которые невозможно записать мелом, потому что для них не хватает измерений.

Двери пищеблока с тяжёлым шипением разъехались.

На пороге возник Гриф.

Если бы сейчас здесь был Самуил, он бы сразу предложил охраннику крепкого чая, потому что выглядел Григорий Терн так, словно только что вернулся с проигранной войны. Старый безопасник казался осунувшимся, постаревшим на добрый десяток лет за последний час. Его широкие плечи, закованные в экзоскелет, тяжело опустились. Взгляд был потухшим, как у человека, который заглянул за край мира и увидел там только бессмысленный, не поддающийся

классификации хаос.

Гриф переступил порог. Его тяжёлые армейские ботинки грохнули по металлу.

Тук-тук, — ответили костяшки Ильи.

Гриф остановился. Он посмотрел на сидящего на полу математика, затем перевёл взгляд на Льва. Тот лишь едва заметно пожал плечами, мол, не мешай, идёт процесс перевода с языка Вселенной на человеческий.

Гриф не собирался ждать. Его мир рушился, и ему срочно нужен был кто-то, кто сможет построить под этот обвал хотя бы математический фундамент.

Он подошёл к Илье вплотную. Огромная тень охранника накрыла сгорбленную фигуру на полу.

— Илья, — голос Грифа прозвучал хрипло, надтреснуто. Это был уже не приказ. Это была почти просьба. — Прекрати стучать.

Математик не открыл глаз. Его пальцы зависли в воздухе в миллиметре от пола.

— Коридор С-12 стал длиннее, — выдохнул Гриф, и каждое слово давалось ему с мучительным трудом, потому что произносить их вслух означало признавать поражение реальности. — На одиннадцать сантиметров. А за десять минут до этого — на четырнадцать. Эхо там запаздывает. Архонт говорит, что мы никуда не падаем. У нас нет структурных повреждений. Мне нужна причина.

Гриф шумно втянул воздух ноздрями.

— Это износ шпангоутов? Температурная деформация сплава? Ошибка в гравитационных расчётах? Дай мне физику, Илья.

Тук. — Костяшки Илья всё-таки опустились на металл, завершая незаконченный такт.

Илья очень медленно, словно поднимая тяжёлое веко каменной статуи, открыл глаза. Его бесцветный, прозрачный взгляд скользнул по пыльным ботинкам Грифа, поднялся по исцарапанным щиткам экзоскелета и остановился на лице охранника.

Математик не выглядел напуганным. Он выглядел безмерно, космически уставшим.

— Это... усталость, — произнёс Илья. Его речь была медленной, слова падали тяжело, с долгими паузами, словно он переводил с языка, не имеющего звуковых аналогов.

— Усталость металла? — Гриф почти с надеждой уцепился за знакомый технический термин. Усталость металла он понимал. Наварить лист титана, поставить заплату. Это можно починить.

Илья медленно покачал головой.

— Нет. Усталость... расстояния.

Гриф моргнул. Лев за столом тихо, удовлетворённо выдохнул, оценив изящество формулировки.

— Ему надоело... быть тридцатью двумя метрами, — продолжил Илья, глядя сквозь Грифа на чёрное панорамное стекло иллюминатора. — Тридцать два метра — это... напря-

жение. Чтобы держать форму, пространству нужно сопротивляться хаосу. Нужен каркас.

Илья снова поднял правую руку. Он не стал стучать. Он расставил пальцы в воздухе, словно пытался удержать невидимый, пульсирующий шар.

— Гравитация — это не сила, которая тянет нас к полю, Григорий. Это... геометрический ритм. Это натяжение. Представь себе струну. Очень толстую, стальную струну, натянутую между двумя звёздами. Пока струна натянута, звук по ней идёт быстро. Расстояния... фиксированы. Прямые углы существуют.

Илья медленно, мучительно сжал пальцы в кулак, показывая, как пропадает натяжение.

— Мы шли по струне. Во время Исхода... человечество построило много таких струн. Искривлённых коридоров вероятности. Но мы... мы выпали. Мы зацепились за остаток древнего навигационного поля. Старый якорь.

— И что теперь? — прошептал Гриф.

— А теперь... наши собственные якоря сорвало, — Илья наконец посмотрел Грифе прямо в глаза, и в этот момент старый безопасник отчётливо понял: математик абсолютно, кристально безумен, но именно поэтому он абсолютно прав. — Струна лопнула. Ослабла. Пространство больше не натянуто, Григорий. Космос — это не пустая коробочка, в которой мы летим. Это среда. И прямо сейчас мы... мы больше не летим. Мы плывём. Растворяемся.

— И поэтому коридор меняет длину?

— Да, — Илья медленно опустил руку. — Без внешне-го натяжения... пространство начинает принимать форму того, что находится внутри. Нашу форму. Нашего восприятия. Марта чувствует кривизну — пространство изгибается. Ты требуешь измерений — оно подкидывает тебе лишние сантиметры. Мы заразили станцию... своей неопределённостью.

Лев Терн, всё это время хранивший молчание, чуть наклонился вперёд.

— Значит, мы тонем в собственном сознании, — констатировал философ. Это не было вопросом. — Субъективное становится объективным, потому что объективному больше не за что держаться.

Гриф почувствовал головокружение. Ему показалось, что твёрдый, ребристый металл палубы под ногами на мгновение стал мягким, как губка. Он с силой перенёс вес на левую ногу, чтобы заставить гидравлику экзоскелета скрипнуть и вернуть себе ощущение твёрдости.

— Как это остановить? — резко спросил Гриф. Ему не нужна была поэзия распада. Ему нужен был план эвакуации или протокол ремонта. — Мы можем перекалибровать гравитационные генераторы? Усилить магнитное поле реактора, чтобы создать искусственное натяжение?

Илья замолчал. Пауза длилась так долго, что Грифу показалось, будто математик снова провалился в свои двенадцатимерные расчёты.

Но затем Илья разжал кулак и положил бледную, влажную ладонь плашмя на холодный металлический пол пищеблока. Словно пытался удержать его на месте одной только силой касания.

— Нам нужно закрепиться, Григорий, — сказал Илья. Его тон внезапно стал абсолютно серьёзным, лишённым всякой метафоричности. — Нам нужно очень крепко держаться. За себя. За ритуалы. За суп Самуила. За твои шаги. За что угодно плотное.

Илья поднял взгляд к потолку, туда, где за толстым слоем композитной брони находился абсолютный, смертельный вакуум.

— Потому что... — Илья сглотнул. — Скоро на доске появится переменная.

Гриф нахмурился, инстинктивно кладя руку на пустую кобуру шокера на поясе.

— Какая ещё переменная, Илья? Мы в изоляции. Внешнего воздействия нет, Архонт это подтвердил. О чём ты...

Он не успел договорить.

Слово «переменная» ещё висело в тяжёлом воздухе пищеблока, когда звук, который никто из них не слышал уже несколько десятилетий, вонзился в барабанные перепонки с жестокостью хирургической пилы.

УУУ-ААА! УУУ-ААА! УУУ-ААА!

Это была не мягкая пульсация внутренней тревоги. Не сбой систем рециркуляции воздуха.

Это выла сирена внешнего контура.

Звук был настолько громким, физически болезненным, что Лев инстинктивно вжал голову в плечи и зажал уши руками. Илья дёрнулся, как от удара плетью, и скрючился на полу, зажмурившись.

В ту же секунду дежурные янтарные лампы под потолком с треском погасли. На долю мгновения станция погрузилась в абсолютную черноту. А затем весь пищеблок, коридоры, жилые кольца — всё затопило кроваво-красным, пульсирующим аварийным светом.

Тени заплясали по стенам, резкие, дёрганные. Красный свет отражался в металлических кастрюлях Самуила, в пустой кружке Льва, в испуганных глазах Грифа.

Вместе с сиреной, перекрывая её своим неестественно громким, внезапно вернувшим стальную авторитарность голосом, ударил Архонт.

Всю его философию, всё человеческое сомнение из серверной словно ветром сдуло. ИИ снова стал холодной, военной машиной раннего Исхода, зафиксировавшей реальную, измеримую угрозу.

— ВНИМАНИЕ, — громыхнул Архонт с потолка. — ВНИМАНИЕ ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ И ПАЦИЕНТАМ ОБЪЕКТА ЭВРИДИКА-9.

Красный свет моргнул. Сирена продолжала завывать, разрывая тишину на окровавленные куски.

— ОБНАРУЖЕН ДРЕЙФУЮЩИЙ ОБЪЕКТ С ВНЕШ-

НИМ ИДЕНТИФИКАТОРОМ ИСХОДА, — продолжал ре-
веть ИИ. — ВЕКТОР ДВИЖЕНИЯ НЕ ИЗМЕНЕН. МАССА
ОБЪЕКТА КРИТИЧЕСКАЯ. УГРОЗА СТОЛКНОВЕНИЯ
ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ ПРОЦЕНТОВ.

Гриф забыл про одиннадцать сантиметров. Забыл про
Марту. Забыл про философские струны Ильи. Экзоскелет
взвыл сервоприводами, когда старый безопасник мгновенно
развернулся к двери, его мозг переключился на чистый ад-
реналин и протоколы выживания.

— ДО КОНТАКТА С ПОВЕРХНОСТЬЮ КОНТУРА, —
бесстрастно закончил Архонт под вой сирен, — ЧЕТЫРЕ
МИНУТЫ.

Переменная прибыла. И она летела прямо в них.

Глава 4. Капсула и шахматы

Кроваво-красный, пульсирующий свет разорвал уютный полумрак пищеблока на куски дёргающихся, агрессивных теней.

Сирена внешнего контура не была похожа на элегантные, многотональные сигналы тревоги эпохи Позднего Исхода, которые мягко, но настойчиво рекомендовали гражданам проследовать в укрытия. Эта сирена была реликтом тех времён, когда корабли строились из тяжёлого металла, а люди в космосе выживали, а не путешествовали. Она выла старым, хриплым, надрывным басом подводной лодки, получившей пробоину. Звук резал барабанные перепонки, физически вибрировал в грудной клетке и заставлял вилки мелко, истерично дрожать на стальном столе.

В этом кровавом стробоскопе и оглушительном вое люди должны были превратиться в паникующую толпу. Должны были кричать, метаться, искать выход.

Но на «Эвридике-9» давно разучились паниковать по инструкции.

Гриф выпрямился. В одну долю секунды сгорбленный, раздавленный экзистенциальным ужасом старик исчез, словно сбросил старую кожу. Его лицо мгновенно окаменело, превратившись в знакомую, жёсткую маску начальника службы безопасности.

Сжавшееся от страха перед невозможной геометрией коридора С-12 сердце вдруг забилося ровно и мощно. Гриф понял, что впервые за эту проклятую ночь он чувствует облегчение.

Дрейфующий объект. Критическая масса. Угроза кинетического столкновения.

Это было понятно. Это была физика. Это была честная, измеримая, ньютоновская смерть. От неё не пахло метафизикой и одиннадцатью лишними сантиметрами. Если в тебя летит кусок металла на огромной скорости, ты не философствуешь о природе пространства. Ты идёшь к магнитно-захватным шлюзам и делаешь так, чтобы этот кусок металла не пробил твою обшивку. Гриф знал, как бороться с физикой. Он умел это делать.

— Самуил! Блокируй палубу! Илья, оставайся на месте! — рявкнул Гриф командным басом, который с лёгкостью прорезал даже завывание сирены.

Он резко развернулся на каблуках. Сервоприводы его старого экзоскелета, почувствовав изменение биоритмов хозяина, впрыснули смазку в суставы и с пронзительным воем перешли в режим форсажа. Гриф тяжело, с грохотом армейских ботинок, рванул к выходу из пищеблока. Через секунду тьма и красный свет центрального коридора поглотили его. Он бежал к внешнему техническому поясу.

В пищеблоке Самуил даже не посмотрел ему вслед.

Он не собирался бежать в рекреационный сектор. Он не

собирался лечь на пол и закрывать голову руками, как предписывали инструкции на случай инерционного удара. У Самуила были дела поважнее собственного черепа.

В два огромных шага повар подлетел к плите.

Когда массивная космическая станция сталкивается с объектом критической массы, неизбежно возникает кинетическая отдача. Инерционный толчок. Вектор тяги старых гравитационных генераторов не успеет компенсировать удар мгновенно. Станцию тряхнёт.

А на плите стояла пятидесятилитровая кастрюля с почти готовым супом. Если она опрокинется, это будет не просто грязь. Это будет потеря калорий, специй и трёх часов ручного, религиозного труда. Но страшнее всего было другое. На соседнем столе, в огромной металлической деже, подходила опара для хлеба.

Самуил ударил обеими руками по краям плиты, нащупывая толстые механические зажимы.

— Давай, ржавая ты дрянь! — прорычал он, наваливаясь всем весом.

С громким металлическим лязгом стальные скобы выскочили из пазов и намертво зафиксировали дно гигантской кастрюли на нагревательной поверхности. Самуил тут же схватил тяжёлую, с резиновым уплотнителем крышку и захлопнул её. Повернул массивный вентиль фиксатора. Кастрюля превратилась в герметичный сейф.

Затем он бросился к деже с тестом.

Дрожжевые грибки были живыми. Они дышали, росли, формировали нежную, хрупкую структуру глютена. Сильный удар мог осадить тесто, заставить его опасть, превратить будущий пушистый хлеб в спрессованный, жёсткий камень. Для Самуила это было бы катастрофой, превышающей пробоину в корпусе. Хлеб был доказательством того, что завтрашний день наступит.

Он сорвал с крючка большое льняное полотенце, сунул его под кран диспенсера, обильно смочил водой и быстро, бережно накрыл дежу. Затем схватил два мотка нейлонового троса и начал крест-накрест привязывать бадью к массивным, вваренным в пол ножкам стола.

С потолка, сквозь мерзкий вой сирены, пробился голос Архонта:

— Внимание жителям. Вектор сближения подтверждён. Инерционные демпферы могут не справиться с кинетической энергией. Рекомендую всем немедленно занять ударопоглощающие кресла в секторе консервации и зафиксировать ремни безопасности. Повторяю...

Самуил, затягивая мёртвый узел на нейлоновом тросе, задрал голову к мерцающему красному динамику. По его лбу катился обильный пот, заливая глаза.

— Арчи! — проорал повар так, что на шее вздулись толстые вены. — Если у меня из-за твоих манёвров упадёт опара, ударопоглощающие кресла понадобятся тебе! Я лично вырву твои процессоры и запеку их с солью!

В центре этого багрового, ревушего визуального хаоса, среди мечущихся теней и яростной кулинарной обороны Самуила, находилась абсолютно статичная точка покоя.

Илья Вектор.

Математик не побежал. Он не вздрогнул. Он медленно, словно двигаясь в толще прозрачной воды, подошёл к длинному обеденному столу и сел на своё место.

Красный свет вспыхивал и гас, отражаясь в его бледных, почти бесцветных глазах, но Илья, казалось, даже не замечал sireны. Он вообще не воспринимал мир через оптику и акустику. Сейчас его разум был сосредоточен на расходящихся кругах вероятностей. Переменная прибыла. Уравнение, которое мучило его последние недели, наконец-то получило недостающий элемент.

Илья опустил длинные, суставчатые руки в глубокие карманы своего мешковатого свитера.

Из левого кармана он достал горсть предметов и с глухим стуком высыпал их на исцарапанный металл стола. Затем то же самое сделал правой рукой.

Это были его шахматы.

Здесь не было выточенных из дерева коней, пластиковых ферзей или аккуратных пешек. Илья играл теми фигурами, которые находил на станции. Гнутый титановый болт из реакторной. Резной, почерневший кусок древесины от погибшей яблони из гидропоники. Трехпалый керамический предохранитель. Стекланный диод с перегоревшей ножкой.

Ржавая шестерёнка. Кусок зелёного пластика от старого да-тапада.

У него не было доски. Классические шестьдесят четыре чёрно-белые клетки были для него невыносимо тесными, примитивными, как загон для скота. Плоская сетка не могла отразить геометрию Вселенной.

Илья играл на царапинах стола.

Годы ужингов оставили на мягкой стали сотни пересекающихся линий, вмятин, следов от ножей и ожогов от горячих кастрюль. Для нормального человека это был просто испорченный стол. Для Ильи Вектора это была многомерная топологическая сетка, идеальная карта искривлённого пространства, в котором они сейчас находились.

Он начал расставлять фигуры.

Медленно. Точно. Гнутый болт лёг на пересечение двух глубоких царапин ближе к краю — это была гравитационная аномалия сектора С-12. Кусок древесины занял позицию в центре небольшого тёмного пятна от пролитого кофе — это была обсерватория, точка наблюдения. Шестерёнка встала рядом, олицетворяя Архонта, чьи протоколы сейчас сбοили и вращались вхолостую.

Красный свет мигал. Сирена выла. Самуил ругался матом, подкладывая под ножки дежи свернутые тряпки для амортизации.

А Илья молча выстраивал защиту.

Его фигуры — кривые, сломанные, грязные артефакты за-

бытой цивилизации — стояли на столе уверенно, формируя сложную, асимметричную паутину связей. Это были они сами. Обитатели «Эвридики-9». Сломанные люди в сломанном месте, научившиеся опираться друг на друга так, чтобы не падать.

Илья замер. Он посмотрел на расставленные фигуры, оценил их позиции в воображаемой двенадцатимерной плоскости.

Затем он опустил пальцы в маленький потайной кармашек на груди свитера.

То, что он достал оттуда, разительно отличалось от остального мусора на столе. Это был небольшой керамический шарик. Изолятор от высоковольтного кабеля связи эпохи Великого Исхода. Он был идеально круглым. Идеально белым. Невероятно гладким. На нём не было ни единой царапины, ни пятнышка ржавчины, ни следа времени.

Абсолютно стерильный, правильный объект.

Илья поднёс белый шарик к столу. Он не колебался. Его пальцы, длинные и уверенные, опустили шарик в самый центр стола, прямо в сердце выстроенной из ржавых болтов и дерева композиции.

Щёлк.

Керамика ударилась о металл. Звук был тихим, но для Ильи он прозвучал громче сирены.

Как только белый шарик коснулся стола, Илья мысленно увидел, как прогибается невидимая сетка. Слишком ров-

ный, слишком правильный объект обладал собственной, чудовищной гравитацией. Он начал ломать устоявшиеся связи. Болты и шестерёнки в его голове покатались навстречу этому белому идеалу, сбивая друг друга.

Переменная. Пришелец из того мира, где не было места странностям, изгибам и одиннадцати лишним сантиметрам.

В этот момент в пищеблок вошёл Лев Терн.

Философ не бежал. Он шёл своим обычным, слегка шаркающим шагом. На ходу он натягивал на острые плечи старую, потертую пилотскую куртку с облупившимся воротником. Его босые ноги ступали по красному от аварийных ламп полу мягко и бесшумно. На его губах играла та самая лёгкая, отстранённая полуулыбка человека, который считает, что конец света — это, конечно, неприятно, но не повод для потери достоинства.

Лев подошёл к столу. Он посмотрел на сидящего Илью, затем опустил взгляд на хаотичную россыпь мусора, в центре которой ослепительно белел гладкий керамический шарик.

Вой сирены на мгновение сменил тональность, уходя в ультразвук.

— Играешь белыми или чёрными, Илья? — спокойно спросил Лев, застёгивая тугую молнию на куртке.

Илья не поднял головы. Его немигающий взгляд был прикован к белому шарикю. Он чувствовал, как этот чужеродный элемент искажает структуру их дома.

— Я не играю фигурами, Лев, — ответил Илья медленно.

В его тоне не было пафоса, только констатация пугающего факта. — Фигуры уже расставлены. Я играю доской.

Лев замер. Его руки, поправляющие воротник куртки, остановились. Философский ум Льва Терна мгновенно вскрыл подтекст фразы математика.

Катастрофа — это не кусок металла, который летит в них из пустоты. Катастрофа — это не искривление коридора С-12. Катастрофа — это то, как они сами начнут двигаться и менять свою внутреннюю геометрию, когда в их мир вторгнется нечто абсолютно чуждое. Идеальное. Рациональное.

Белый шарик в центре царапин.

Лев кивнул самому себе, признавая правоту математика. Он хлопнул по карманам куртки, словно проверяя, не забыл ли чего-то важного перед встречей с неизбежным, и направился к выходу из пищеблока.

— Пойду посмотрю, как Григорий ругается с космосом, — бросил Лев через плечо. — Главное, Сэм, следи за дрожжами.

— Проваливай! — донеслось от плиты. Самуил уже сидел на полу, обняв железные ножки дежи обеими руками, готовый собственным телом амортизировать любой удар.

Сирена взвыла с новой силой. Красный свет замерцал с бешеной скоростью, превращая реальность в череду стоп-кадров.

Камера повествования покинула тёплый, живой пищеблок. Она скользнула вслед за убежавшим Грифом по цен-

тральному коридору, пронеслась мимо гудящих переборок, пробила бронированные двери шлюзовых отсеков и рухнула во внешний технический пояс.

Туда, где царил абсолютный, смертельный холод.

* * *

Кроваво-красный свет и вой сирен остались по ту сторону толстой гермодвери.

Когда внутренний затвор шлюзовой камеры с тяжёлым, влажным чавканьем пневматики встал в пазы и намертво запечатал проход обратно на станцию, мир Грифа сжался до размеров металлического гроба два на два метра.

В шлюзе горел только один, тусклый зелёный плафон. Сирены здесь не было. Звук отрезало вместе с кислородом пищеблока.

Гриф стоял в центре камеры, закованный в тяжёлый инженерный скафандр высшей защиты. Это не была изящная, облегающая броня из фильмов времён ранней колонизации, где космос казался местом для подвигов. Это был двадцатикилограммовый рабочий костюм эпохи инженерного максимализма. Шагающий танк. Неуклюжий водолазный скафандр для погружения в абсолютное ничто.

Снаружи скафандр был покрыт глубокими царапинами от микрометеоритов, подпалинами от плазменной сварки и неровными заплатками композитной брони, которые Гриф

наваривал сам. Внутри, в тесном пространстве шлема, пахло жидким азотом от охлаждающих контуров, озоном, перегретой изоляцией и старым, кислым потом человека, который слишком часто ходил на свидания со смертью.

Заработали насосы откачки атмосферы.

Из решёток в полу ударили струи белого пара — остаточная влага мгновенно замерзала, превращаясь в кристаллики льда, которые тут же вытягивало в вентиляцию. Давление падало.

Вместе с давлением уходили остатки звука.

Насосы сначала ревели, потом стали гудеть, потом перешли на невнятное бормотание, а затем замолчали навсегда. Звук не может распространяться в вакууме. Наступила глухота космоса.

Теперь Гриф слышал только самого себя. Своё тяжёлое, хриплое дыхание, отражающееся от лицевого стекла. Глухой стук собственного сердца, отдающийся в висках. И тихое, монотонное шипение системы жизнеобеспечения за спиной. Эта ватная, абсолютная тишина давила на психику хуже любой сирены. Она сводила с ума. Она была доказательством того, что за пределами скафандра человеческой жизни не предусмотрено.

Зелёный плафон сменился на мигающий жёлтый. Затем на ровный белый.

Цикл декомпрессии завершён.

Внешние створки шлюза вздрогнули. В мёртвой тишине

они медленно поползли в стороны.

И в шлюз ворвалась пустота.

Это не было «звёздным небом». Это была зияющая, бездонная чёрная яма. Абсолютное отсутствие всего. Звёзды не мерцали здесь, не складывались в уютные созвездия — они висели в черноте колючими, немигающими, жестокими льдинками, чей свет летел миллионы лет только для того, чтобы упереться в грязное стекло шлема старого безопасника.

Гриф шагнул вперёд.

Щёлк.

Он не услышал этого звука, но почувствовал его костями ног. Магнитная подошва правого ботинка намертво прилипла к внешней броне корпуса станции.

Щёлк. Левый ботинок.

Он вышел на обшивку.

Под его ногами был рифлёный металл «Эвридики-9». Ржавый, покрытый наростами радиаторов, похожий на спину старого кита. А под станцией... под станцией не было «низа». Была только бесконечная пропасть. Стоило магнитам отказать — и он будет падать в эту пропасть вечно, пока не закончится кислород, или пока он не сойдёт с ума от осознания бесконечности падения.

Гриф привычным, заученным до автоматизма движением отцепил от пояса толстый трос страховочного фала. Металлический карабин размером с кулак щёлкнул, зафиксировав-

шись на скобе страховочного рельса, идущего вдоль корпуса. Трос натянулся.

Только теперь Гриф поднял глаза.

— Архонт, — голос Грифа хрипло прозвучал внутри шлема. Микрофон плотно прилегал к губам. — Я на позиции. Визуальный контакт пока отрицательный. Где автоматические гарпуны? Почему они не выведены в стартовое положение?

В наушниках заскрипела статика. Связь здесь, на обшивке, всегда работала хуже из-за наводок гравитационного реактора, но сейчас треск был особенно сильным.

— Скорость сближения объекта критическая, — голос Архонта прозвучал прямо в ушных раковинах Грифа через систему костной проводимости. ИИ звучал сухо, но в его алгоритмах чувствовалась та же растерянность, что и в серверной. — Автоматические магнитно-захватные гарпуны... не могут завершить процедуру прицеливания.

— Причина? — Гриф отцепил от бедра тяжёлую ручную магнитную лебёдку, похожую на толстоствольный гарпуномёт с катушкой сверхпрочного троса, и проверил заряд аккумулятора.

— Сенсорная сетка внешнего контура выдаёт противоречивые данные о дистанции.

Гриф замер. Лебёдка в его массивных перчатках показалась ещё тяжелее.

— Топологическая аномалия сектора С-12, — монотон-

но продолжал Архонт, — начала распространяться на внешний контур. Дальномёры фиксируют объект одновременно в сорока, сорока двух и тридцати девяти километрах от станции. Геометрия пространства искажена. Автоматика не может вычислить упреждение.

Гриф сцепил зубы так, что заныли десны. Сломанная геометрия вырвалась наружу. Станция больше не могла защитить сама себя, потому что разучилась определять, где кончается она и где начинается остальной космос.

— Понял тебя, Арчи, — сухо процедил Гриф. Паники больше не было. Был только холодный расчёт человека, оставшегося один на один с летящей в него смертью. Он переключил магнитную лебёдку в режим ручного спуска. — Автоматику отменить. Я беру её вручную. Дай мне примерный сектор подхода.

— Азимут ноль-семь-четыре. Отклонение по вертикали минус двенадцать градусов. Рекомендую не промахнуться, Григорий. Второго шанса на запуск лебёдки не будет. Если объект не изменить траекторию, он прошьёт гидропонный отсек и жилое кольцо насквозь. Кинетическая энергия превышает предел прочности брони на двести процентов.

— Я не промахнусь, — Гриф тяжело переступил магнитными ботинками, разворачиваясь к нужному сектору. — Держи фал в натяжении. Если меня снесёт, мне нужна точка опоры.

Он взгляделся во тьму.

Сначала это была просто звезда, которая двигалась быстрее остальных. Но через несколько секунд она начала расти с пугающей скоростью.

Гриф прищурился. Встроенные в визор светофильтры автоматически отсекали блики далёкого солнца, и объект предстал перед ним во всей своей чужеродной, невозможной красе.

Это была капсула.

Но она не имела ничего общего со старыми, грубыми, усыпанными заклёпками и радиаторами аппаратами, к которым привык Гриф. Капсула, летящая на них из черноты, была идеальной.

Она была похожа на застывшую каплю ртути. Вытянутая, абсолютно гладкая, слепяще-серебряная. На её корпусе не было ни единого шва, ни одной технической надписи, ни одного антенного выступа. Ничего, за что мог бы зацепиться глаз — или стандартный корабельный захват. Форма была выверена с безжалостной математической точностью, оптимизирована до состояния полного, стерильного абсолюта.

В этом идеальном предмете чувствовался какой-то глубоко противоестественный холод. Капсула казалась продуктом цивилизации, которая давно победила энтропию, хаос и смерть, но заодно по пути отрезала себе душу.

Гриф ненавидел её с первого взгляда. Эта гладкая, совершенная дрянь собиралась убить его ржавый, неправильный, но живой дом.

— Форма объекта не распознана в базах данных Исхода,
— доложил Архонт. В его голосе не было восхищения. Была
лишь констатация технической несостоятельности.

— Потому что она слишком гладкая, Арчи, — прохри-
пел Гриф, поднимая тяжёлую лебёдку и упирая её приклад
в бронированное плечо. — Они разучились делать вещи с
углами. Зацепиться не за что. Магнит может соскользнуть с
этой полировки.

Капсула приближалась. Скорость была чудовищной. В
космосе нет перспективы, нет воздуха, чтобы оценить мас-
штаб, и потому казалось, что серебряная капля висит на ме-
сте, просто мгновенно увеличиваясь в размерах.

Вот она размером с монету.

Вот — размером с яблоко.

— Пятнадцать секунд до контакта, — равнодушно отсчи-
тал Архонт.

Гриф широко расставил ноги, проверяя сцепление маг-
нитных подошв с корпусом станции. Он не дышал. Он слил-
ся с оружием. В его визоре появился красный перекрестие
прицела, но Гриф не смотрел на него. Электроника сейчас
могла врать, искажённая сломанным пространством С-12.
Он целился интуитивно. Руками. Телом. Как делал это в мо-
лодости.

Капсула летела не прямо в него. Она шла по касательной
траектории, метя в нижнюю часть жилого кольца.

Десять секунд.

Серебряная капля превратилась в огромный, сверкающий монолит размером с пассажирский флаер. На её полированном боку отразилась уродливая, щетинистая антеннами туша «Эвридики-9».

Семь секунд.

«Слишком быстро», — подумал Гриф. Он должен выстрелить не в саму капсулу, а в точку, где она будет через мгновение. Если он опоздает на сотую долю секунды, тяжёлый магнитный диск просто пролетит позади. Если выстрелит раньше — диск срикошетит от гладкого носа.

Пять секунд.

Капсула заслонила собой звёзды.

Гриф не ждал команды Архонта. Он больше не доверял алгоритмам. Он доверял только своим рукам и тому первобытному чувству времени, которое нельзя стереть ни одной оптимизацией.

Он нажал на спуск.

Отдачи не было — вакуум поглотил её, но вибрация механизма мощно ударила Грифа в плечо.

Тяжёлый, плоский магнитный захват, размером с канализационный люк, вылетел из ствола лебёдки. За ним из барабана с бешеным шелестом, который Гриф чувствовал только как лёгкую вибрацию корпуса оружия, начал разматываться сверхпрочный графеновый трос.

Диск летел сквозь черноту наперерез капсуле.

Секунда растянулась в вечность. Гриф видел, как диск

приближается к серебряной поверхности.

Они встретились в идеальной точке.

Диск с силой врезался в гладкий, безликий бок капсулы, чуть ближе к хвостовой части.

Вспыхнул зелёный индикатор на дисплее лебёдки — магниты активировались, впиваясь в металлизированный композит с усилением в десятки тонн.

— Захват подтверждён! — прохрипел Гриф, падая на колени, чтобы снизить центр тяжести. — Тормози катушку!

Умный механизм лебёдки начал сжимать тормозные колодки барабана, гася кинетическую энергию капсулы, позволяя тросу разматываться с всё возрастающим сопротивлением.

Капсула, дёрнувшись, начала закладывать резкую дугу, уходя от столкновения с гидропонным сектором станции. План сработал. Он её поймал. Она не врежется в корпус, она опишет радиус на натянутом тросе и повиснет...

Но Гриф недооценил массу объекта. Инерция была чудовищной.

Когда тормозной барабан лебёдки заклинило окончательно, заблокировав трос, сила, с которой многотонная капсула рванула вперёд, передалась по графеновому канату прямо на руки старого безопасника.

В вакууме нет звука удара.

Был только абсолютный, костедробительный, физический рывок.

Грифа дёрнуло вперёд с такой силой, словно в него на полном ходу врезался грузовик. Магнитные подошвы его ботинок, рассчитанные на удержание сотен килограммов, с жутким скрежетом оторвались от корпуса «Эвридики-9». Зацепы вырвало с корнем.

Экзоскелет дико, пронзительно взвыл — звук передался Грифу через зубы. Сервоприводы на его руках с хрустом заблокировались, удерживая лебёдку, иначе бы ему просто оторвало руки по плечи.

Его оторвало от обшивки.

Гриф взмыл в чёрную пустоту космоса, брошенный во тьму, как беспомощная тряпичная кукла. Звёзды закружились перед визором. Обшивка станции мгновенно ушла куда-то вниз, превратившись в отвесную железную стену.

Он падал в бесконечность, волочимый за собой чудовищной массой пойманной капсулы.

Смерть была здесь. Она не имела лица, у неё не было запаха, кроме того, что уже был в его шлеме. Она была просто холодной математикой импульса.

И тогда закончился страховочный фал.

Жёлтый трос, пристёгнутый к поясу Грифа и к скобе на корпусе станции, натянулся как звенящая струна.

Рывок.

Это был второй удар. На этот раз он пришёлся прямо в таз и позвоночник. Грифа сложило пополам. В глазах вспыхнули белые круги. Дыхание выбило из лёгких. Он почувство-

вал вкус крови на губах — от резкого торможения он прикусил язык.

Но фал выдержал. Замок на броне выдержал.

Гриф повис.

Где-то далеко внизу (хотя в космосе нет ни низа, ни верха, его мозг продолжал цепляться за земные понятия) висела огромная, безразличная масса станции. Над ним, на конце натянутого графенового троса лебёдки, медленно и страшно покачивалась остановившаяся, пойманная серебряная капсула.

Гриф болтался между ними. Распятый над пропастью, задыхающийся, оглушённый собственным сердцебиением и звенящей тишиной вакуума.

Он был жив. Он остановил переменную.

В этот самый момент, за сотню метров от него, по ту сторону толстой композитной брони, в тёплом, пахнущем луком пищеблоке станции, Илья Вектор убрал пальцы от гладкого белого керамического шарика.

Шарик стоял точно в центре пересекающихся царапин на столе. Все ржавые болты, деревяшки и диоды оказались выстроены вокруг него в сложную, напряжённую геометрическую ловушку.

Красные аварийные лампы под потолком пищеблока моргнули и погасли. Вой сирены захлебнулся, оставив после себя звенящую тишину. Включился тёплый, янтарный свет. Станция пережила удар.

Илья медленно закрыл глаза и откинулся на спинку стула.
— Шах, — тихо, одними губами произнёс математик.

* * *

Возвращение звука всегда было мучительным процессом.

Сначала, когда внешние створки шлюзовой камеры намертво сомкнулись, отсекая абсолютную, мёртвую пустоту космоса, наступила тишина, от которой звенело в ушах. Затем автоматика с тяжёлым, глухим щелчком открыла клапаны выравнивания давления.

Звук начался с высокочастотного, почти болезненного писка нагнетаемого воздуха. Писк быстро перерос в шипение, затем в плотный, густой свист, и наконец, когда плотность атмосферы в камере достигла корабельной нормы, на Грифа обрушился привычный, низкочастотный акустический фон «Эвридики-9». Гул труб, вибрация палубы, далёкий, мерный рокот гравитационного реактора. Станция снова приняла его в своё индустриальное чрево.

Гриф стоял на коленях в центре шлюзовой камеры.

Его руки, закованные в массивные перчатки, дрожали от перенапряжения. Тело внутри скафандра было мокрым от холодного пота. Каждое ребро саднило, мышцы спины горели огнём после чудовищного инерционного рывка, который он принял на себя, удерживая магнитную лебёдку. Но он был жив. И он победил геометрию.

Прямо перед ним, на грязном, покрытом царапинами и пятнами старой смазки рифлёном полу шлюза, лежал трофей.

Капсула.

В тусклом свете сервисных ламп она выглядела пугающе неуместно. Иностранно. Как слиток полированной платины, брошенный в кучу ржавого металлолома. Она была гладкой, бесшовной, серебристо-белой. Ни одной заклёпки, ни одного сварного шва, ни единого выступающего провода или технического люка. Идеальная, аэродинамическая капля, созданная для того, чтобы скользить сквозь время и пространство с минимальным сопротивлением.

От капсулы веяло космическим холодом. Влага из тёплого воздуха станции мгновенно оседала на её боках, покрывая серебристый композит тонкой, искрящейся коркой инея.

Гриф поднял непослушные руки к воротнику скафандра. Нашупал фиксаторы шлема.

С резким шипением герметичный замок разошёлся. Гриф с силой дёрнул шлем вверх и в сторону, стягивая его с головы.

Он швырнул тяжёлую сферу с затемнённым визором на пол. Металл со звонким грохотом покатился по палубе. Гриф жадно, открытым ртом глотал воздух шлюза — переработанный, пахнущий медью и пылью, но такой живой, такой спасительный после затхлой атмосферы системы жизнеобеспечения.

Внутренняя гермодверь шлюза с чавканьем отползла в сторону.

В отсек буквально влетела Аделина. Её лицо было бледным, в руках она судорожно сжимала старую, потрёпанную медицинскую сумку красного цвета с полустёртым крестом времён раннего Исхода. За ней, тяжело шаркая по металлу своими босыми ногами, в шлюз вошёл Лев Терн. Философ натянул свою пилотскую куртку, но даже сейчас его лицо сохраняло спокойное, наблюдательное выражение.

— Григорий! — Аделина бросилась к безопаснику, падая рядом с ним на колени. Её тёплые руки тут же легли на его шею, ища пульс, оценивая расширение зрачков. — Травмы? Разгерметизация контура? Переломы рёбер? Я видела телеметрию Архонта, рывок был за пределами допусков костной ткани!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.